

А. Мефокиров

Особая благодарность Ольге Мефокировой за
всемерное содействие написанию этой книги

Репка

сказка

постапокалиптической
эротики

Алексей Мефокиров

**Репка. Сказка
постапокалиптической эротики**

«Издательские решения»

Мефокиров А.

Репка. Сказка постапокалиптической эротики / А. Мефокиров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964831-0

Вторая половина XXI века ознаменовалась Первой глобальной ядерной войной и Новыми климатическими условиями. Россия среди всех стран оказалась в наиболее сложном положении, но тем не менее даже здесь выжившие не забывают о сладостях любви и эротических переживаний.

ISBN 978-5-44-964831-0

© Мефокиров А.
© Издательские решения

Содержание

Благодарности	6
Вместо пролога	7
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	36
Глава 10	39
Глава 11	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Репка

Сказка постапокалиптической эротики

Алексей Мефокиров

© Алексей Мефокиров, 2019

ISBN 978-5-4496-4831-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Особая благодарность Ольге Мефокировой, без которой бы создание этой книги не представлялось бы возможным. Она – главный вдохновитель и первый помощник, важный практический консультант. И лишь скромность не позволила ей называть себя автором данного произведения

Вместо пролога

Посадил дед репку – выросла репка большая, пребольшая.

Стал дед репку из земли тянуть: тянет-потянет, вытянуть не может.

Позвал дед на помощь бабку.

Бабка за дедку, дедка за репку: тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвала бабка внучку. Внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку: тянут-потянут, вытянуть не могут.

Кликнула внучка Жучку. Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку: тянут-потянут, вытянуть не могут.

Кликнула Жучка кошку. Кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку: тянут-потянут, вытянуть не могут.

Кликнула кошка мышку.

Мышка за кошку, кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку тянут-потянут – вытянули репку!

Русская народная сказка

Глава 1

*Ой, налетели ветры злые,
Да с восточной стороны,
И сорвали черну шапку
С моей буйной головы.
И сорвали черну шапку
С моей буйной головы..
Русская народная песня*

Выйдя из дому, Коля одел на глаза самодельные очки, сделанные из картонки тех самых конфет, которые он в последний раз купил в супермаркете. Это было почти десять лет назад, но коробка из-под них каким-то чудом сохранилась.

Очки были сделаны так, что его глаза смотрели через узенькую, прорезанную острым ножом щелочку. Через эту щелочку солнце не ослепляло, да и ветер, несущий снежную крошку, был не так страшен.

Поправив шарф из собачьей шерсти, он оседлал полукустарные, но очень качественно собранные велосани, и проворно двинулся на них к проруби, усердно работая педалями. Выклеенный из сосновой древесины ротор-скребок, приводимый в движение цепью, быстро вращался, поднимая позади искрящуюся в морозном воздухе снежную пыль. Запах влажной шерсти шарфа смешивался с ощущением одревенелости в носу, возникающей от проникновения морозного воздуха. Это создавало странное, но типичное ныне сочетание.

Снег весело поблескивал в лучах полуденного солнца, и лишь под деревьями царствовала синяя, такого же цвета, как и небо над головой, тень. Вокруг были тысячи и тысячи отблесков, такие яркие, что просто резали глаза.

Дачные домики соседей, обложенные снежными блоками (чтобы внутри было теплее), были похожи на горы из драгоценных, ограненных рукой умелого мастера, бриллиантов. С вершины многих этих рукотворных сугробов поднимался едва заметный дымок. Запах у этого дымка был не очень приятный, но что поделать....

Очень скоро, уже в начале июня снег растает и начнется лето. Короткое, скромное лето юга России. Небо покроется серыми облачками, и моросящий дождик почти не будет прекращаться в течение трех-четырех месяцев. Зброшенные поля медленно обрастут седой зеленью, которая уже в начале сентября пожухнет под первыми осенними заморозками.

Вместо бесконечных, уходящих далеко за горизонт полей теперь можно было встретить земляные узкие валы, на вершинке которых, уберегаемые от вымокания, росли кое-какие растения, дающие скудное пропитание. В эти валы, высотой часто более метра, было вложено невероятное количество труда. Их всегда размещали с востока на запад, с северной же стороны укрепляя каменной кладкой. И порой, особенно как сейчас, зимой, невозможно было догадаться о назначении столь диковинных сооружений. Лабиринт, да и только. Они были похожи на ступеньки, ведущие в никуда...

Бесконечными же теперь стали пустоши искусственно воссозданной тундры между поселениями, особенно впечатляющие своей бескрайностью тогда, когда их покрывали снега.

Десять лет назад, а возможно и намного раньше произошла глобальная катастрофа. Апокалипсис.

Она подкралась тихо, незаметно, так, что в момент её начала никто ничего не заметил. Порой еще можно встретить то тут, то там ржавеющие остовы автомобилей и тракторов, даже зерноуборочных комбайнов. Оставленные постройки, выбитые окна которых продуваются ветром.

Впрочем, бетон городов (мало по малу) разбивается на блоки, которыми уцелевшие люди выкладывают северные стены вездесущих «лабиринтов». Население почти с самого начала заметных климатических изменений массово мигрировало на юг и запад, оставляя свои пожитки. С юга же им навстречу двигались потоки беженцев, которых с родной земли изгоняла невиданная засуха.

В местах же, где еще сохранялись почти прежние климатические условия, вовсю запылало жесточайшее противостояние между самыми разношерстными силами.

Вялотекущие полупартизанские столкновения, которые велись прокси-войсками ведущих геополитических игроков, постепенно перешли в конфликты покрупнее. Тайно и явно применялось изощренное биологическое оружие. А потом и тактическое ядерное. А потом – и стратегическое. В общем, всё, что только можно было применить...

Но, как ни странно, человечество выжило. Небо не закрылось черной пылью, как предсказывали многие. Радиоактивное заражение было, но оно не было столь уж глобальным. Куда опаснее оказались не дела рук человеческих, но мощь постепенных климатических изменений.

Впрочем, не будем забывать, что именно эти изменения и спровоцировали побочные эффекты в виде бескомпромиссной войны за ресурсы, всеми доступными средствами. Войны за ресурсы? Ну и термин. Как будто в мире вообще бывают другие войны...

В Европейской России лето с каждым годом становилось всё более поздним и дождливым, так, что урожаи год за годом погибали. Зима же становилась все более суровой и долгой: начинаясь в конце сентября и не разжимая своих ледяных объятий почти до начала июня.

Когда все только начиналось, Коля, студент третьего курса политехнического института, начал встречаться с Машей, которая в том же году заканчивала институт по специальности «Экономика и финансы». Очень Маша смущалась, что её парень младше чем она, но при этом ей очень нравилось быть с ним вместе. Оставаясь наедине, они могли молча обняться и сидеть, не замечая хода времени.

Маша не была красавицей. Среднего роста, немного плотноватая; если бы она не уделяла внимания физической культуре и питанию, то вполне могла бы иметь избыточный вес. Но, благодаря её собственным усилиям у неё было пусть не идеальная, но вполне привлекательная фигура. Темно-русые, почти темные волосы она заплетала в модную косу, змеей обвивающей голову.

Коля до конца не понимал, что ему очень повезло встретить Машу. Ведь она была живой, открытой, лишенной притворства или зажатости. Что Коля еще по неопытности воспринимая как должное – так это то, что Маша не страдала тем своеобразным женским эгоизмом, который часто едким ядом, когда быстрее, когда медленнее отравляет отношения.

Впрочем, не будем предвзяты – подобное свойственно и многим мужчинам, часто излишне робким, но прячущим свою робость за лживой броней вечного недовольства.

Да, это очень своеобразный эгоизм, в определенной мере иррациональный; построенный на мифах и стереотипах о том, каковы «настоящие» мужчина и женщина. Этим эгоизмом девочки с самого раннего возраста заражаются от матерей и от подруг, от старших сестер. Женщины, этим страдающие, часто присваивают себе роль почти пассивного зрителя, которому должны доставлять удовольствие; и не просто – но в каждый момент угадывая малейшие изменения настроения. И речь не только лишь о постельных утех... но и обо всей жизни, которую они ведут.

При этом они сами чаще всего бояться сделать малейший шаг, малейшее прикосновение; бояться сделать хотя бы малейшую подсказку о том, что им приятно, а что нет. Более того, они даже не знают, как сформулировать, что же именно им приятно. И на каждое необычное действие, на каждую мысль или фантазию реагируют показательной обидой.

После близости с такими женщинами внутри остаётся чувство холодной опустошенности, точно такое, как когда тебя рассчитывают с работы, не заплатив. И сами эти женщины

в большинстве случаев глубоко несчастны. Они могут быть разными: суховатыми ханжами или нарочито вульгарными, холодными или постоянно ищущими секса, одинокими или гулящими (а часто одновременно и теми, и теми). Сущность беды, корнящейся в их натуре, от этого не меняется.

Они бродили по городскому парку. Присев на скамейку, Маша нежно прижималась к Коле, и он медленно касался губами её щек, подбородка, нижней губы. Прикрывая глаза, она мурлыкала, словно котёнок и её губы зовуще приоткрывались. Их дыхание сливалось в одно целое. Медленные поцелуи.

Она сначала призывала Колю к себе, а когда его губы касались её, она держала его на минимальном расстоянии и поддразнивала кончиком шаловливого языка... лукаво улыбаясь лучистыми серо-голубыми глазами. Он гладил рукой её волосы, вдыхая их пьянящий аромат, а она могла нашептывать ему на ухо разные несурезности, всё ближе приближаясь своим горячим дыханием и чувствуя, как по его телу проходит мягкая дрожь.

Иногда она, играясь, нежно захватывало кончик его уха зубами или касалась его губами и кончиком языка... В отместку он проделывал то же самое, или целовал её шею, задерживаясь сзади, чуть ниже затылка; от этого по всему её телу пробегали приятные мурашки и ей хотелось повторить это еще и ещё... В шутку они называли это «покусюшками», и часто она чуть подавшись вперед, прижималась к нему своей грудью и шепотом просила: «Кусь меня». У них был свой, только им понятный язык любви, на котором без всякого стеснения можно было говорить о тех ласках и прикосновениях, которые бы им хотелось получить или подарить.

Глава 2

*Как родная меня мать провожала...
Русская народная песня*

А потом внезапно в городах начались перебои с продовольствием, и из-за массовых демонстраций с требованием «Хлеба! Хлеба!» было введено чрезвычайное положение. До этого как-то даже никто не замечал разорившихся фермеров и целые заброшенные деревни. Не замечал и того, что на полках супермаркетов все больше и больше преобладают импортные продукты.

Мало кто обращал внимание и на то, что в Интернете, в новостях все чаще говорили о растущем государственном долге, отрицательном торговом сальдо и тому подобных специфических вещах. Все равно большую часть времени люди хотели развлечений и они получали их. Со всех щелей вещали комиксы и юмористы, а ночные эфиры заполонила порнография. Важные ученые если и говорили о климате, то чаще всего это были набивающие оскомину разговоры о глобальном потеплении и необходимости отказа от углеводородного топлива.

Внезапно ситуация взорвалась. Долг вырос до такого уровня, что его стало невозможно оплатить.

Да и справедливости ради надо сказать, что подобная ситуация была и в других районах планеты, поэтому никто особо оплаты долга и не требовал. Шли видеостримы из разных стран и городов, и почти везде было нечто похожее. Ближе к экватору стояла невероятная жара, из-за чего из глубины Азии и Африки на людские поселения наступала пустыня. А с полюсов двигались холодные воздушные массы, которые делали погоду морозной и сухой в зиму, сырой и дождливой летом.

Однажды Коля видел по новостям сюжет, в котором тысячи чернокожих людей собрались у почти опустевшего колодца с маленькими пластиковыми ёмкостями для воды. Они стучали этими емкостями, требуя воды, но воды так и не привезли. Её просто неоткуда было везти.

В глазах людей, чаще всего женщин и детей – полное отчаяние и безысходность. Этот древний колодец размещался на территории храма, посвященного богам плотской любви. Жрецы храма пообещали населению округи, что если они пожертвуют во имя их бога девственностью ста лучших девушек, то обязательно пойдет дождь и в колодце начнет прибывать вода. Жители поверили этим словам. Да у них и не было другого выхода, ибо кроме похотливых богов им некому было помочь.

Но потом, когда сто девушек было отобрано, жрецы их просто продали сутенёрам, а сами сбежали в столицу. И вода как убывала, так и продолжила убывать.

Коле было грустно. Казалось, вся планета ополчилась на род человеческий и стремится избавиться от него.

На фоне этого появились, словно грибы после дождя, многочисленные секты и религиозные течения. Все предлагали свои пути к спасению – один диковиннее другого.

С полок супермаркетов исчезли многие продукты, а массы голодных и возмущенных людей начали штурмовать наиболее крупные магазины. Они били камнями витрины под холодным мелким дождиком, бранились и толкались. Ворвавшись пестрой массой в опустевшие торговые залы, они громили полки и прилавки, на которых уже ничего не было. Утолив жажду разрушения, люди разочарованно выходили из разграбленных зданий.

Тут же подъезжали наряды полиции в серо-синей форме, безразлично отбирая почти не сопротивлявшихся людей и уводя их в кунги автозаков. Часто подобные ситуации были просто трагикомичны. По правительственному указу для задержанных предусматривалось питание, и нередко люди после очередного «выпуска пара» возле банка или супермаркета сами организовано «задерживались», оспаривая то, кто будет следующим в очередь на поездку в участок. Таким же правительственным постановлением была введена система продуктовых карточек.

Но, несмотря на предпринятые меры еды не хватало. Нормы выдачи становились все более и более скудными. Начались случаи каннибализма. Многие уходили из городов, убегали за рубеж, платя деньги проводникам. Но и там было очень непросто. Проводники превратились в настоящий криминальный синдикат, который глубоко был связан с некоторыми государственными структурами.

Как только начались беспорядки, между городами были созданы кордоны, призванные не пропускать стихийно двигавшихся в юго-западном направлении людей. Однако же эти кордоны было не так уж сложно преодолеть, если воспользоваться услугами проводников. Поговаривали, что собственно лишь для того, чтобы бизнес проводников процветал, они и были созданы.

Ощетинившись колючей проволокой, с высокими стенами из металлической сетки, на самом деле эти границы были созданы не столько для людей, сколько для того, чтобы препятствовать вывозу остатков продовольствия и ценностей из местностей. Это было вполне адекватное действие, но оно не добавило популярности правительству. Своей задачи в полной мере не понимали и спешно мобилизованные солдаты, стоявшие здесь на охране. Вся ненависть людей была направлена против них, ибо они олицетворяли собой правительство, которое обвиняли во всех грехах. На пунктах пропуска постоянно слышалась отборная брань, то и дело вспыхивали потасовки.

Коле и Маше все сложнее было встречаться. Во-первых, в Колиной семье были категорически против этих встреч, ибо вполне резонно видели в этих отношениях препятствие для собственного выживания.

Родители Коли настойчиво хотели уехать. Вся их жизнь, все их мысли, каждый их вдох и выдох вращался вокруг одного единственного момента: «Пора валить!». Мама постоянно давила на отца, пытаясь ускорить процесс.

Их останавливало только то, что никак не удавалось накопить нужную сумму денег на проводника, ведь как только нужная сумма лежала в сейфе – сумма за переезд через все кордоны и государственную границу тут же удваивалась. Они экономили на всем и даже продавали на черном рынке государственные продуктовые карточки. Их «доставал» отец, работавший в Чрезвычайной комиссии при райисполкоме.

Вокруг их дома то и дело выплывали какие-то странные люди, которые нагло улыбаясь, переговаривались с отцом наедине. С каждым таким визитом папа становился все более нервным, почти не спал по ночам, выкуривая дешевые сигареты в ночь за кухонной форточкой, пропитанную сыростью.

И вот однажды Колин отец не пришел со службы. Его ждали до самого утра, выглядывая в окно. Но он все никак не приходил. Вместо этого, неестественно громко, в половине шестого утра раздался звонок и строгий начальственный голос сообщил, что отца задержали за спекуляцию карточками.

Узнав об аресте отца, Колина мама впала в истерику. Она бестолково бегала по квартире, хрипло матерясь и хлопая дверями шкафов. Внезапно она упала на колени, и закрыв лицо руками, тоненько, словно мышшь, запищала... Прошло около получаса, пока мать, слегка упокоившись, принялась прямо посреди комнаты сжигать какие-то бумаги из папиного сейфа.

Она достала громадный чемодан, в который переложила из того же сейфа пачки иностранной валюты. Буквально пачки. У Коли при виде этого зрелища просто глаза вылезли из орбит. Еще совсем недавно это было невообразимое состояние. Однако теперь даже твердая зеленая иностранная валюта существенно потеряла свой вес.

– Отправишься в Турцию сам, никого не жди... – сказала мама.

– Но как же ты? – Коля категорически не согласен был уезжать один. Ему, откровенно, вообще не хотелось уезжать, тем более при таких обстоятельствах.

Горько улынувшись, мать рукой убрала со своего лица влажную челку

– Я думаю, в ближайшее время и я вслед за твоим отцом поступлю на государственное обеспечение. А тебе теперь нужно спешить что есть сил!

Она достала из какого-то ящика старое, грязное, вонючее бельё и начала заворачивать в него деньги, предварительно распаковывая пачки и сворачивая купюры в трубочки.

– Возьми из ящика несколько упаковок презервативов? – строгим голосом сказала мать.

– Зачем? – почему-то покраснел смущенный Коля.

– Затем! – мать стала еще строже, исподлобья поглядывая на замешкавшегося сына.

Она распаковывала презервативы и засовывала в них туго свернутые в трубочки деньги. Коля не мог понять, что и почему происходит. Еще с десятков презервативов она наполнила слюной и, завязав, хаотично разбросала по чемодану среди грязного белья. Она явно действовала по определенному, тщательно продуманному плану. И хотя Коля знал, что родители готовились к тому, чтобы выезжать, он это представлял совершенно иначе.

– Что все это значит? – растерянно спросил Коля.

– В каждой скрутке – 500 долларов разными купюрами. Если тебя начнут обыскивать, они просто побрезгуют...

Подгоняемый мамой, Коля вышел из дома под мелкий противный дождик, который лился ему за шиворот. Он уже знал, куда ему идти, но в то же время не представлял, что ему делать. Казалось, что он попал в какой-то бесконечный серый кошмар, и от которого никак не удастся проснуться. Давящая, полусумрачная атмосфера окутывала весь голодающий город, поглощала его бетонные громады, во многом уже опустевшие. Слабый прохладный ветерок пронизывал насквозь, все было сырым и промозглым.

Мать строго приказала ему отправляться к ее знакомому, дяде Фёдору, живущему в районе Заречья, а уже с помощью него связаться с кем-то из проводников. Но Коля не мог вот так вот запросто взять и уехать. Навьюченный чемоданами, в старом потрепанном осеннем пальто, которое мать перед этим еще и измазала напоследок грязью, он вполне предсказуемо отправился к Маше.

Глава 3

*Дозволь, тятенька, жени...
Мне жениться,
Дозволь взять, кого люблю.
Веселый разговор!..
Дозволь взять, кого люблю
Русская народная песня*

Возле подъезда, где жила Маша, Коля пересекся с её отцом. Увидев Колю в весьма неприглядном виде, он растерянно остановился.

Папа Маши, Сергей Федорович в то время работал в некоем научно-исследовательском институте. Он часто задерживался на работе, при том, что жалования ему практически не платили. Высокий, с седеющей бородой, в очках, Сергей Федорович очень исхудал за последнее время. В своем черном пальто он походил на «чумного доктора», мрачного персонажа венецианских карнавалов.

Их мама ушла от них еще тогда, когда Маша была маленькой. Сначала она отправилась в Италию работать сиделкой, но вскоре, найдя там выгодную пару, вновь вышла замуж. В Италии у Маши через определенное время даже появилось два маленьких братика. Какое-то время она присылала Маше подарки и переводила определенную сумму денег, но потом внезапно исчезла. Маша даже не знала, жива ли она ныне. В это время в Италии как раз были очень жестокие события, связанные с восстанием нелегальных мигрантов.

Сергей Федорович никогда не винил жену в том, что произошло, и старался сделать всё, чтобы Маша не теряла контакт с мамой. Хотя после каждого русско-итальянского сеанса связи по скайпу он, нахохлившись, пил на кухне горький чай, уставившись в пустоту. Он сам не знал почему, но внутри разливалась какая-то всеохватывающая слабость, от которой он сам становился себе противен. Он вспоминал жену, ночи, проведенные с ней, пока они были молоды и потом его разум сразу же переносился к реалиям той жизни, которой он теперь жил.

Самое смешное, что он был профессором ботаники... Подумать только, словно в анекдоте...

Увидев Колю, Сергей Федорович замер и спросил неестественно тихим голосом.

– Уезжаешь?

– Да, – ответил Коля сухо.

– С Машей?

– Если получится....

Подавив комок, подкравшийся к горлу, Сергей Федорович почувствовал, как глаза стали предательски мокрыми. И что было ему противнее всего, сейчас ему больше всего стало жалко самого себя. В голове возникли навязчивые картинки пустой квартиры...

Маша, смотря из окна на происходящее, накинув куртку, выбежала из дому. На ее ногах были домашние шлепанцы, которые зачавкали от попавшей уличной влаги. Увидев Колю, которого она не видела уже больше двух недель, она приблизилась к нему и всматривалась в лицо, будто не узнавая. Потом обхватила его обеими руками за шею и расплакалась, тыкаясь носом в его лицо.

Сергей Федорович весь ссутулился и поник, словно одинокий подсолнух после заморозков.

– Ну что же, поезжайте, поезжайте.... Что поделать... Я пойду на службу, а вы пока собирайтесь. И лучше не ждите меня. Не надо... – он сглотнул слюну. – Долгие проводы – лишние слезы.

Маша растерянно смотрела на Колю. Она знала, что выбраться из района можно было только с помощью проводников, а цена их услуг постоянно росла. И вообще, она не представляла, как это она куда-то уедет.

Сергей Федорович, не оглядываясь, решительно пошел вперёд. Коля и Маша остались наедине.

– Ты ведь никогда даже не говорил о том, чтобы уехать. – заглядывая в глаза Коле, спросила девушка.

– Отец арестован, – сухо ответил Коля. – И, наверное, особо выхода и нет.

– Пойдем пока в дом... У нас есть время?

– Да, но чем быстрее я выйду на дядю Федора, тем больше шансов выбраться живым из этой передраги. Впрочем, если вообще это возможно.

Они прошли в квартиру. Он поставил у входа свой чемодан и снял грязное пальто. Маша прошла на кухню и поставила на плиту чайник. Заварки не было, и они разлили по чашкам кипятков.

– Будешь травяной? – спросила Маша.

– Нет. Лучше просто кипятков.

– Что-то перекусим?

– Я думаю, нам стоит поберечь припасы. Впрочем, если у тебя что-то есть подходящее, то сильно против я не буду. Но на твоём месте я бы ещё подумал и о твоём папе. Всё – таки ему ещё оставаться здесь, а значит, нужно будет что-то есть. Сейчас еда – это главная ценность... – Коля устало присел на стул. Его даже немного раздражала та рассудительность, с которой он говорил всё это.

– Знаешь, – сказала она, повернувшись – я, наверное, сумасшедшая. Но мне хочется сейчас попрощаться с этой квартирой, и сделать это очень необычно. Просто, вспомнить кое-что очень уютное и приятное.

– Что именно?

– Давай разденемся и заберемся вместе под одеялко. И полежим вместе, прижавшись друг к другу, как это было... Всего полчаса...

– Тебе хочется секса? Прямо сейчас? У нас не так много времени. И, откровенно, совсем не до этого... Звучит не по-мужски? – Коля грустно посмотрел Маше в лицо.

– Эх, какие же вы, мужчины глупые. Что за мусор в твоей голове: по-мужски, не по-мужски. Мы люди, а не машины... Не думай ни о чем, просто будь со мной рядом... как можно ближе.

Она стянула с себя кофту, бросив её на пол. Тяжелые джинсы сползли, оголив белизну её нежной кожи. На ней оставалась лишь футболка и трусики персикового цвета, открывающие прелестные округлости ягодиц.

– Ну что же ты? Иди ко мне. Но только помни – у нас дресс-код. Оставляем лишь то, что дано нам от рождения, Матушкой-Природой. Снимай свои тяжелые доспехи, мой рыцарь! – рассмеялась она и поцеловала его.

Одежда и впрямь казалось ему невероятно тяжёлой, будто пропитанной свинцом. Свитер двойной вязки, под ним черная, из плотной ткани, футболка с длинным рукавом. Стягивая их, ему казалось, что он поднимает вверх штангу. Она повернулась к нему спиной и на секунду замерев, чуть приспустила свои трусики.

– О, я вижу, тебе нужна моя помощь? Ничего себе, как ты закутался... – её легкие ладошки скользнули вдоль ремня, задевая пальчиками обнаженную кожу на его животе.

– Ну, ты вроде тоже в полной мере не справилась... – улыбнулся он, бросив взгляд на её персиковые трусики.

– Ну что ты, мой ненаглядный, у этих трусиков резинка под силу лишь твоим сильным рукам, ты же знаешь, – кокетливо прошептала она, расстегивая пряжку его ремня. – Помогика снять футболку, только медленно....

Он поддел низ её футболки сзади и плавным, оглаживающим движением начал поднимать её вверх. От нежного прикосновения его пальцев и ладоней, чуть щекочущих её кожу, она затаила дыхание. Эти прикосновения дразнили её, а ткань неспешно скользила по ареолу набухающих сосков.

Одновременно Коля, словно в интимном танце, прижимал её тело к своему, снизу вверх, и это мягкое прикосновение прокатилось от низа её живота к груди. Его губы коснулись её шеи, и пока она закрыла глаза, её футболка закрыла ей лицо. Она чувствовала через ткань его горячее, влажное дыхание и давление мягких, но сильных губ, которые очень медленно двигались ниже, от шеи к ложбинке между упругими грудями.

Так и оставив футболку, он нежно, почти едва ощутимо коснулся сначала одного, потом другого соска. Сначала рукой, потом губами. На мгновение он замер, и она почувствовала томное нетерпение. Оно заполнило её откуда-то из низа живота, волной пробежало от копчика до макушки по позвоночнику. Медленно, словно во сне, она избавилась от футболки, которая упала на пол, и полуприсела, стараясь ответить на поцелуй поцелуями.

Ощувив напряжение в его полурасстегнутых брюках, она улыбнулась. И слегка прикоснувшись кончиками пальцев к вершине бугорка, проступающего через ткань боксеров, наклонилась ниже.

– Ах, ты же мой бедненький, сладенький слонёнок. Ты в плену. И твой хозяин о тебе совсем не заботится. Ну не печалься, мне есть, чем тебя утешить.

Сбросив с себя одежды, они легли на кровать под одеяло, словно забавляющиеся дети. Обнимаясь, касаясь друг друга, они наслаждались каждым мимолетным, но упоительным мгновением. И в каждой ласке был важен не результат, не то, что следовало за этим – а сама ласка, само прикосновение, само дыхание.

Увы, многим дано лишь завидовать нашим героям. Мы заполнили свой мир понятием секса, утратив при этом гораздо нечто более многогранное и тонкое – близость. Если есть близость, то эта пара счастлива; если есть секс, но нет близости – такие отношения обречены, ибо взаимный и тонкий процесс превращается в несложную механику, которая не обогащает и не насыщает. Все же, что занимает время, но не насыщает – внутренне истощает человека, делая его куда слабее. Об этом, кстати, любил рассуждать Сергей Федорович, часто наедине с собой, в холодной квартире или в своей лаборатории.

Близость мужчины и женщины подобна разговору, в которой ласки – это слова. Слова, бездумно взятые из словаря, как бы красиво они не звучали, ничто.

Часы в комнате наших героев неумолимо шли, уходя своими стрелками за полдень и приближая тот тонкий, сложный момент, когда нужно, разбивая упоительные объятия, одеваться и идти. Этот момент действительно очень тонок, ведь порой малейшая неточность перетекает в бестактность, а бестактность – в неприязнь.

Маша, улыбаясь, расчесывала закудрявившиеся волосы, а Коля любовался ею, время от времени целуя её милое лицо.

Они вышли из дому, направляясь в Заречье к дяде Фёдору. Заречье пользовалось среди горожан весьма дурной славой криминального района, в котором проворачиваются различные тёмные делишки. Частный сектор, застроенный преимущественно старыми домами, он был удобен для того, чтобы утаивать угнанные автомобили, подпольные производства и многое другое. Район в целом был депрессивным, со множеством брошенных строений. Особо выделялись брошенные склады ЖБК, которые постоянно фигурировали в криминальной хронике.

Когда они проходили мимо трамвайной остановки, им повезло сесть на социальный трамвай, идущий в этот район. Адрес, который дала мама Коли, был написан на маленькой бумажке

карандашом. Дом дяди Фёдора был в двух шагах от трамвайной остановки, и, что совсем не удивило Колю, в тех же условных двух шагах были и пресловутые склады ЖБК. Они остановились у высоких металлических ворот, за которыми залаяла крупная собака. Коля оглянулся и увидел напротив скромный стенд святоверческой общины, призывающей прихожан к «благожертвованию труда во имя Господне». Дело обычное. Впрочем, другие сектанты обычно больше интересовались наличкой...

Через короткое время показался и сам хозяин – дядя Федор. Это был мужчина лет пятидесяти, крепкого телосложения, лысоватый. О том, что он занимается сопровождением через кордоны и границу – не было секретом почти ни для кого.

Загнав собаку в вольер, хозяин позволил пройти на свой большой, мощеный бетонной плиткой двор. Посреди двора стоял квадратный, похожий на черепаху, джип темно-фиолетового цвета.

– Усаживайтесь поудобнее. На заднем сидении мешки. Вам придется их одеть на голову – сами понимаете, мне ни к чему рисковать. И кстати... – садясь за руль, он щелкнул тумблером на панели приборов, – я сейчас включу систему глушения любых радиосигналов. Поэтому, если вам нужно сделать звоночек маме – лучше сделать это прямо сейчас.

Через пару минут двигатель джипа завелся и они тронулись в путь. Колю удивило то, что ехали они довольно быстро и без особой тряски, явно по относительно хорошей дороге. Всю дорогу они молчали.

– Ну, вот и приехали... Здравствуйте, гости дорогие.

Рядом с машиной стояли люди в форме без опознавательных знаков. Когда же, сняв с головы мешки, Коля и Маша вышли, их просто охватило отчаяние. Они были во дворе городского управления Министерства государственной безопасности. Вот так вот и закончилась игра, фактически не успев начаться. Еще сегодня утром он не думал никуда ехать, потом беспокоился о том, как удастся пробраться в Турцию – и вот, в три часа дня он уже просто сидит в управлении госбезопасности.

– Надеюсь, вы будете благоразумны, не будете оказывать сопротивления, – человек в форме мягко им улыбался. Но его глаза оставались внимательно-строгими.

После оформления задержания их развели по разным камерам предварительного заключения, и Коля никак не мог поверить в то, что всё произошло столь стремительно и банально. И что теперь? Казалось, все еще продолжался какой-то глупый сон, и он просто сменил свой антураж.

Глава 4

*Я капусту сажу, да всё беленькую.
Ай ли ай люли, да всё беленькую.
Да всё беленькую и кочаненькую,
Ай ли ай люли, и кочаненькую.
У кого нету капусты, прошу к нам в огород.
Ай ли ай люли, прошу к нам в огород.
Русская народная песня*

Сергей Федорович стоял на остановке и ожидал троллейбуса. В связи с чрезвычайным положением служащим выдали маленькие синеватые карточки с чипами, позволяющими бесплатно пользоваться любым общественным транспортом. Однако перебои с поставками топлива свели к минимуму это благо.

Порой приходилось ожидать по сорок минут, пока подойдет к остановке старенький троллейбус или электробус. Карточки были неестественно-ядовитого цвета, глянцевые, с яркой надписью. Он достал эту карточку из кармана и вглядывался в её странные оттенки, будто пришедшие с другой планеты.

Машин на дороге было довольно мало, и большей частью – грузовики и фургоны разных государственных служб. Они были или темно-оливкового, защитного цвета, или белого. Грузовики, проходя, выбрасывали облачка дизельного выхлопа и этот запах, как ни странно, очень нравился Сергею Федоровичу.

Этот дым пах его далекой, как сейчас ему казалось, беззаботной молодостью. Еще до поступления в университет он отслужил год в автомобильной роте, и, несмотря на рассказываемые ужасы об армии, для него это время было одним из самых счастливых.

По мере развития кризиса старый-добрый запах горелой солянки можно было встретить всё реже. Из-за климатических изменений спрос на нефть вырос, и, наплевав на квоты и ограничения, корпорации сбывали всё за рубеж. Куда выгоднее было её экспортировать, нежели оставлять внутри страны для внутреннего, «нерентабельного» потребителя.

Однотонно-серое небо, будто выцветшее. Дождик утих, и в низинах стоял полупрозрачный туман. Слева послышался характерный звук тягового электродвигателя и из-за тумана показались фары троллейбуса. Он устало подполз к остановке и со скрипом распахнул двери. Приложив карточку к глазку датчика, Сергей Федорович вошел внутрь. Людей в салоне было мало: преимущественно старики. Раздался звуковой сигнал, похожий на жужжание гигантской пчелы, двери мягко закрылись, и троллейбус двинулся по маршруту.

Здание Института агробиологических исследований находилось на конечной остановке. Это было огромное, отдельно стоящее здание, окруженное рощами и участками обработанной земли. Возвышаясь на семь этажей вверх (а соединенный с ним корпус общежития – так и вовсе на все шестнадцать), оно уходило еще на четыре уровня вниз, под землю. И хотя нынче Институт, казалось, находился в запустении, это было не совсем так. Здесь кипела работа.

В левом крыле, будто бы и вовсе заброшенном, окна были выбиты и кое-где наскоро забиты заплесневевшим ДВП или полуржавым кровельным железом. Но именно из этого крыла имелись выходы на подземные уровни, где такие же, как Сергей Федорович, работали над стратегической программой выживания.

На входе в здание Института сидел старенький дедушка-вахтер, который не слышал на одно ухо, и паренёк в грязном ватнике. Поздоровавшись с ними, Сергей Федорович взял ключ и поднялся в свой кабинет. Там он снял верхнюю одежду, переобулся и подошёл к огромному, в рост человека сейфу с кодовым замком. Открыв дверцу, он забрался внутрь (хотя это

было весьма неудобно, за что изобретатели всего этого каждый раз поминались весьма недобрым словом), и, захлопнув тяжёлую дверцу, почувствовал медленное движение вниз. Движение все ускорялось, последовал мягкий щелчок, и лифт доставил его на самый нижний уровень.

О том, что будут происходить резкие климатические изменения, Сергей Федорович и ряд других людей, с соответствующим доступом, знали еще за двадцать четыре года до начала кризиса. Секретные доклады ложились на стол первых лиц государства, затем переправлялись в профильные учреждения и ведомства. Но даже такой длительный срок был недостаточен для того, чтобы на ходу перестроить всю инерционную и громоздкую машину народного хозяйства. Может показаться странным, но на протяжении последних десяти тысяч лет одной из стратегически важных наук являлось то, чем занимался Сергей Федорович – прикладная ботаника сельскохозяйственных растений.

Выйдя на уровне своей лаборатории и поздоровавшись с двумя младшими научными сотрудниками, проходившими по коридору, профессор, как было положено по внутреннему регламенту, отправился в душ. Освещенный синеватым светом, отделанный нержавеющей металлом, душ походил на отсек космической орбитальной станции.

Подставляя тело прохладным струям воды с обеззараживающим составом, профессор вдруг вспомнил, как читал еще маленькой Машеньке русскую народную сказку о репке.

– Посадил дед репку, и выросла репка большая-пребольшая...

Он улыбнулся. У судьбы всегда есть чувство юмора. Сейчас его основной проект был связан как раз с репой, только существенно измененной. Именно такая, как они её шутя называли, «полярная» репа, выращиваемая в искусственно создаваемом биоценозе из сопровождающих трав и почвенной фауны, представлялась наиболее перспективным видом, способным накормить выжившее население.

Именно здесь, в этом институте, вот уже как минимум 15 лет они вели поиск того, что даст возможность нации выстоять в откровенно апокалиптических условиях. Одевшись в чистую, обработанную жестким ультрафиолетом одежду, он прошел на опытную площадку агромодулирования. Он одел маску-респиратор и помахал своей помощнице, Варваре Петусевич. Огненно-рыжая шевелюра Варвары, молодого кандидата биологических наук, была упрямая под белоснежный колпак. И хотя рот её скрывался под маской-респиратором, она улыбнулась профессору глазами и показала на одну из опытных гряд.

Сверху на эту грядку лился переохлажденный воздух из климатомодулирующей установки, освещение повторяло уровень очень пасмурного дня.

– Ну, что, Варварушка, растём? – добродушно поинтересовался профессор.

– Растём, Сергей Федорович! – Варвара пальцами отогнула мульчу вокруг лунки и продемонстрировала довольно бодро выглядящий саженец, – Немного не решена проблема с фосфорным балансом, но мы ведь над этим работаем.

– Каковы показатели биологической продуктивности с единицы площади?

– По кормовой листе прирост составляет около 1,5 килограмм на квадратный метр, по корнеплодам – даже чуток больше, и это же в очень сложных условиях... Почти минусовая температура...

Профессор слегка приобнял ладонями Варвару за плечи...

– Голубушка, да ведь это практически успех! Поздравлять еще рановато, но движемся мы в правильном направлении.

Варвара вновь улыбнулась, и это было видно по её глазам. И, хотя ей было стыдно в этом признаться, прикосновение профессора ей были чрезвычайно приятны. Несмотря на почти семнадцать лет разницы в возрасте, на обилие молодых мужчин вокруг, она была влюблена в него. Более того, её физически к нему влекло. Запах его тела, смешиваясь с едва уловимыми нотками льна и хлопка рабочей лабораторной одежды, почему то казался ей таким одновре-

менно уютным и желанным. Порой она ловила себя на мысли, что ей бы хотелось оказаться в его объятиях прямо сейчас, и она даже чуть отступала назад, будто опасаясь саму себя.

Надо сказать, что оказавшись на работе, профессор становился совершенно иным человеком. Переодевшись, приосанившись, чувствуя себя в своей стихии, он выглядел уверенно и молодцевато. Его голос обретал нотки добродушного баса, а когда ситуация требовала волевых решений – твердый, уверенный, серьезный голос профессора, звучавший рядом, просто вызывал у нее восторг.

Сергей Федорович прекрасно видел симпатию со стороны Варвары, но всегда стремился избегать возможных неловких ситуаций.

Он еще долго работал в разных залах лаборатории, и результаты были все более и более любопытными. Показатели искусственно созданных биоценозов росли как по продуктивности, так и по возможности переносить сложные условия обитания.

Внезапно на уровне раздался видеозвонок по оптической шифросвязи. Звонил государственный куратор проекта, Вячеслав Эммануилович Жвания. ... Сергей Федорович вошел в сурдокабину.

Жвания выглядел уставшим, галстук на его шее слегка сбил, а под глазами были темные круги от постоянного недосыпания.

– Хорошо выглядите, профессор! Однако, здравствуйте!

– Здравствуйтесь, Вячеслав Эммануилович. Что-то произошло?

Куратор посмотрел на какие-то бумаги, лежавшие на его столе, будто что-то разыскивая.

– Да так, мелочи. Здесь пришло сообщение от службы безопасности округа. Мария Сергеевна Прасолова – это ваша дочь, не так ли. ...

– Так точно, Что-то произошло? – профессор сразу поник. У него похолодело в груди.

– Да так, мелочи. Кстати, а Гушин Николай Дмитриевич вам тоже знаком?

– Да. Это её молодой человек. Они живы?

– Не волнуйтесь, профессор. Живы, хранятся в целости и невредимости в подходящих условиях. Есть маленькая проблема – попытка незаконного пересечения границы чрезвычайных округов. Что будем делать? – куратор спокойно уставился на профессора с меланхолическим спокойствием кастрированного кота.

– Каково Ваше мнение, Вячеслав Эммануилович?

– Давайте так, профессор. Вы как-нибудь подскочите и заберёте своих гавриков, после чего спрячьте их куда подальше, чтобы не светились там, где не нужно. Не мне вас учить. Думаю, ситуация уляжется. ... Кстати, а почему вы их не отговорили от их затеи?

– Я? – профессор сделал удивленные глаза;

– Да ладно Вам, профессор. Давайте не будем корчить из себя гимназисток, поступающих в театральный институт. Вам это не к лицу. ... Вы считаете, что им будет проще там, за бугром? ... – в голосе Жвании послышалась тонкая угроза.

– Вы считаете, что иначе? – в глазах Сергея Федоровича мелькнула неприязнь.

Жвания налил себе стакан минеральной воды и медленно, с наслаждением отпил глоток. Поставил стакан, он посмотрел на профессора с легкой ехидцей.

– Ну, я уж не знаю, профессор. На самом деле это зависит и от Вас. Ваша работа решает, кому жить, а кому нет в мире будущего.

– Вы считаете? Польщен. ...

– Ладно. Работайте. И не зазнавайтесь. Знаете, у нас есть и иные варианты. А гавриков своих заберите.

Сеанс видеосвязи закончился. Профессор даже и не знал, радоваться ли ему, или горевать от того, что всё произошло именно таким образом. А вот в Жвании он был слегка разочарован, хотя и знал его как опытейшего секретчика вот уже много лет. Как бы выглядело,

если бы он начал отговаривать дочь от поездки? Какие аргументы он мог бы высказать, не проболтав при этом ничего из того, что Маше не положено знать...

Вернувшись в лабораторию, профессор внезапно обнаружил на своём столе фиолетово-желтые цветы арктического прострела. Они стояли в горшочке со мхом. Под горшочком была записка, написанная рукой Варвары. Запакованная в конвертик, написанная мелким почерком она никак не была похожа на что-то, связанное с работой. Больше это было похоже на раздражавшие всех святоверческие «письма счастья», в которых то и дело можно было встретить наивную религиозную пропаганду.

На автомате сунув записку в ящик письменного стола, он закрыл его на ключ и двинулся к выходу.

Глава 5

*Уж ты, Порушка-Параня,
Ты за что любишь Ивана?
Эх, я за то люблю Ивана
Что головушка кудрява.
Русская народная песня.*

Коля оказался в камере предварительного задержания с тремя другими нарушителями границы. Один был молодым парнем, лет восемнадцати. Он пытался самостоятельно найти проход в кордоне, но был пойман на месте охраны.

Другой был солидным мужчиной в дорогом костюме. Он имел официальный пропуск через кордоны, но попался на попытке провоза партии продовольствия. Двух тонн «левой» армейской тушенки. Из всех четверых, судя по всему, его ситуация была самой серьезной.

Третьим был сам проводник, настоящий «дядя Фёдор» – довольно скользкий тип с жиденькой рыжей бородёнкой. Оказалось, что взяли еще за неделю до того, в рамках операции «Заслон», а в его доме устроили облаву на всех, желающих незаконно пересечь границу. И на самом деле их интересовали вовсе не рядовые переселенцы. Да, официально проход через кордоны, а уж тем более эмиграция за рубеж были запрещены. Но в реальности правительственные структуры смотрели на деятельность проводников сквозь пальцы, а спецслужбы открыто их курировали. В конечном итоге, эта миграция могла частично снизить остроту проблемы продовольственного снабжения.

Проблема была скорее в том, что мигранты вызывали проблемы в других чрезвычайных районах, способствуя развитию черного рынка продовольственных карточек. Ведь не имея прописки и официального места службы, они просто вынуждены были приобретать съестное через коррупционные схемы. Администрации чрезвычайных районов делали всё возможное. Чтобы нелегальные мигранты шли за границу транзитом, особо не задерживаясь в их зоне ответственности.

А тут возникали уже международные осложнения. От той же Турции российский МИД буквально складировал гневные ноты протеста, на которые лишь пожимали плечами. Ситуация в мире была такова, что подобными нотами страны обменивались регулярно, но особо изменить что либо просто не представлялось возможным.

Колю крайне тешила мысль о том, что его задержали просто в рамках облавы, а вовсе не по делу, связанному с деятельностью его отца. По словам того же «дяди Фёдора», которого, кстати говоря на самом деле звали Романом, обычно МГБ старалось не увязать в рутине миграционных дел, и после довольно короткого разбирательства просто отпускало всех задержанных. Некоторым предлагали сотрудничать (на этом моменте рыжебородый лже-Фёдор хитро подмигнул).

Пока шли разговоры, в двери открылся лючок. Принесли ужин. Коля ожидал, что это будет тюремная баланда в грязной алюминиевой миске, но это было не так. Ужин был скромным, но по меркам голодного времени это было весьма достойная трапеза. Откровенно, родители Коли далеко не всегда могли позволить нечто подобное.

Порция состояла из вареного вкрутую яйца, пшеничной каши с кусочками куриного мяса, хлеба с настоящим сливочным маслом.

– Что это они нас балуют? – удивился Коля.

– Тактика и стратегия. Наверное.... Или скорее, как нынче модно говорить – технология – пожал плечами «дядя Федор».

– А в чем же смысл такой технологии? – удивился Коля.

– О, здесь тонкости. Когда есть протестные настроения, и тебя захватывает полиция, ты чего ждешь?

– Ну, побоев наверное. Угроз. Может даже пыток.

– Вот именно. И ты уже весь всклокочен ненавистью, и для оставшихся на улице – ты мученик, жертва, знамя их протеста. А тебя схватили, отмыли, накормили... и ты эмоционально растерялся. И другие тебе начинают завидовать, ибо ты – счастливчик. Они ведь уже знают, что здесь весьма неплохо кормят.... Знают они и то, что здесь склоняют к сотрудничеству и вербуют....

– Разделяй и властвуй....

– Да, друг мой. Старо как мир. Схемка выглядит парадоксальной, но она работает. – смачно раскурив сигарету, «дядя Федор» выпустил колечко дыма.

– Странно... Хотя и противно как-то.

– Что поделать, Коля. Мир не прост, совсем не прост.

– А если же все ринутся «посидеть» – так ведь никаких харчей не напасешься.

– Особо наглые просто исчезают. И их никто не ищет, – «дядя Федор» оскалил свои желтоватые зубы.

Молодой парень в ответ на все эти рассуждения это только хрюкнул и продолжил с наслаждением поедать свою порцию. Сразу было видно, что он давно не ел в досталь. Как и большинство других.

После ужина конвоиры по одному водили задержанных в душ, и в 22.00. погасили основное освещение. Коля уснул беспокойным сном.

Во сне ему снова виделась Маша, манящая и близкая. Он ощущал на губах её вкус, её неповторимый аромат, – а потом резко просыпался от охватившей его тревоги. Что с ней? Где она прямо сейчас? Ему казалось, что эти толстые бетонные стены, серая неизвестность пространства, которая их сейчас разделяет, отрезает от него часть его самого, причем часть самую дорогую. То же, что остается здесь, – это словно сухое тельце насекомого, оболочка.

Он открывал глаза. В коридоре раздавались, время от времени, мерные шаги сменных конвоиров. Мужчина в костюме слегка похрапывал, всё время во сне поправляя воротник сорочки. Коля вспомнил рассказ о двух тоннах тушёнки, начал представлять себе блестящие, или может, наоборот, покрашенные в матовый оливковый цвет банки, которые стоят штабелем ровными рядами....

И тут его подбросило с постели... Чемодан! Чемодан остался в багажнике джипа! А если его обыщут! Если они найдут все деньги.... Контрабанда валюты – это уже намного серьезнее, нежели просто попытка незаконного пересечения....

А если они начнут разматывать клубочек, и неминуемо выйдут на отца? А они неминуемо это сделают. Какой же он дурак! Какие же мы все жалкие наивные люди! Кого хотели обмануть!

Нда...

А в это время в женском изоляторе Маша тоже пыталась уснуть. В голову лезли самые глупые, абсурдные мысли. Впрочем, ей постоянно лезли подобные мысли, и она уже свылась с этим. Думать о том, что произошло, было невыносимо.

Она вспомнила, что сегодня днем было не только расставание с домом и этот ужасный арест, но и те два часа, которые они были с Колей... снова... Внутри неё всё сжалось от боли и она остро почувствовала, как сильно любит его и как ей теперь страшно и одиноко.

Она повернулась на бок и свернулась калачиком, поджимая коленки к подбородку. Вокруг был такой холод, который заполнял собой всё пространство, и колкое ощущение уязвимости и незащитности.

Ей вдруг вспомнились Колины улыбающиеся глаза, такие добрые карие глаза... Слезы покатались по её лицу. Она любила Колю всего, целиком... Хорошо сложенный, широкоплечий, у него было упругое, сильное тело. Ей чудился его бархатный голос, его нежные и одно-

временно уверенные прикосновения. Ей было не стыдно в этом признаться, но она в равной степени, а может и более трепетно любила его мужественный член, к которому относилась как к отдельному одушевленному существу.

Впрочем, ей не нравилось слово член, оно было грубым и в самой основе своей несло нечто сухо-математическое, словно формула, написанная мелом на доске. Её нежный, ласковый и своенравный любимец, такой покорный её ласкам... Она любила давать ему ласковые прозвища. Поддразнивать. К чему эти мысли?

Когда то она читала древнюю легенду о том, что все органы человека имеют помимо прочего свою душу, и эта душа так же нуждается в любви, как и сам человек. Эта душа чувствует то, как к ней обращаются, имеет свой характер и пристрастия. И где-то в глубине Маша чувствовала, что в этом есть определенная доля истины.

Ей казалось, что каждый орган и её собственного тела, и тела её любимого мужчины нуждается в уважении, нежности и заботе, словно ребенок. В нашем мире, который более пятисот лет умерщвлял плоть и ныне хищно дорвался до неё, словно хищник к свежему мясу, понимание чего-то тонкого утрачено. Нужно лишь услышать каждую клеточку тела и обратиться к ней с любовью, постараться её понять.

Маша любила и своё тело. В детстве она его стеснялась, был краткий момент, когда она не казалась себе красивой. Как и многие женщины, свои половые органы она считала чем-то не совсем эстетичным... нечто безымянное... там... Но это нечто дарило сладостные ощущения, и если задуматься, то по большому счету дарило и саму жизнь в таинстве рождения.

До Коли у неё были парни, но она не чувствовала их любви. Все их стремление, все их желание сводилось к тому, чтобы лишь удовлетворить их собственную похоть, и это ей не нравилось. Они не были искренними. И с ними она не любила своё тело, часто думала о нём, да и о себе в целом уничижительно. Ей было стыдно.

Но с Колей было всё совсем иначе. Она словно посмотрела на мир вокруг и на себя совсем иными глазами. Его взгляды, его ласки были бесстыдны и одновременно искренне наполнены восхищением, он убеждал её в красоте и желанности каждого кусочка её тела и она верила ему. Её средних размеров груди превращались в мгновение близости в чудесные, лакомые плоды, которыми она угощала его, а он медленно, очень осторожно касался их своими влажными жаждущими губами, слизывая капельки воды после душа с ареола наливающихся жизнью сосочков. Её живот, на котором, несмотря на все тренировочные усилия было немного коварного жирка, вдруг становился звенящей струной скрипки, из которой его ласковые руки извлекали нежную мелодию любви. Её ягодицы, которые до этого казались ей излишне крупными и крепкими, превращались в прелестные изгибы, которым бы позавидовала пенорожденная Афродита, фундамент храма их общего с Колей наслаждения, в святилище которого, между её прелестных ног расцветал самый прекрасный, благоухающий цветок, источающий сладчайший нектар страсти..

Коля разрешил ей в это поверить, и она увидела, что так все и есть на самом деле. Коля дарил лепесткам её цветка бесстыдные, нежнейшие прикосновения, сводившие её с ума, или мог властно, но осторожно войти в её глубины, заставляя все внутри её пульсировать в сладостной пляске И она приняла себя, затем уже познав и прелесть Колиного тела. Отдавая себя, она овладевала своим мужчиной, и кажется только так, пусть на короткое время, к ним возвращалась исконная целостность.

Это было невероятное волшебство, когда она будто прозрела. Когда они были вместе, они словно становились античными богами – бесконечно прекрасными, лишенными страхов и почти бессмертными. А может в этот момент они и были бессмертны, как бессмертна сама жизнь, бесконечно возрождающаяся во Вселенной, и меняющая лишь свои формы.

Машины чувства и мысли путались и она постепенно уснула, успокоенная этим все более замедляющимся калейдоскопом образов.

Глава 6

*Не для меня придёт весна,
Не для меня Дон разольётся,
Там сердце девичье забьётся
С восторгом чувств – не для меня.
Русская казачья песня*

Сергей Федорович, выйдя из института, отправился к своему хорошему знакомому, полковнику Дмитриеву. Время было уже позднее, давно за полночь. Но, как известно, для подобных служб время суток не имеет никакого значения. Тот работал в Пятом управлении МГБ, и как раз более всего был нужен для разрешения всяких деликатных заморочек. Подчиненные за глаза дразнили полковника «Фантамасом», так как он был абсолютно лыс и даже лишен бровей. В молодости он в одной из заграникомандировок попал в очень напряженную ситуацию – и в ответ на стресс все волосы выпали. Такая вот реакция организма. При этом физически полковник был очень здоров, занимался спортом, не пил и не курил.

Именно воспользовавшись помощью полковника, Сергей Федорович и надеялся забрать свою дочь и её парня из изолятора.

Дмитриев встретил Сергей Федоровича в самом радостном расположении духа.

– Добрый день, Константин Михайлович! Впрочем, скорее доброй ночи. Что ты такой радостный!

– Здорово, Федорович! Да так, дело одно мы удачно провернули. Так что глядишь – пойду на повышение.

– Рад за тебя.

– Ты по делу али так, чаю погонять... – полковник жестом предложил профессору присесть на стул, а сам начал копаться в шкафу.

– Чай – дело хорошее, но и дело есть к тебе. Накладочка у нас получилась, и надо бы выручить.

– В чем суть?

– Нужно забрать двух человечков из изолятора районного управления МГБ. Жвания решил...

– Что за люди?

– Дочь моя с её парнем...

– Вот-те раз. Как же их угораздило.

– Да там история недолгая. У парня этого отца повязали, вот он с Машкой-то и вздумал через границу ломанутся. Неопытный совсем. Еще и в чемоданах долларов нахватал... думал их в грязном белье спрятать.

– Откуда подробности такие?

– Добрые люди рассказали, – ухмыльнулся профессор. – Под каким соусом бы, Михалыч, нам бы это всё оформить, как думаешь?

Полковник устало присел и принялся потирать лоб ладонью. За окном в синеватом отсвете уличного фонаря был видно, как внезапно пошёл густой, пушистый снег. Бросив взгляд в окно, полковник отметил, будто про себя:

– Надо же. Только 15 сентября – и вот на, снег...

– Не переживай. Растает....

– Скажи-ка Федорович... А как же так, всё ваша научная братия говорила про глобальное потепление, глобальное потепление... А тут такое! Что, не знали? – полковник перевел тему разговора, просто выигрывая время для того, чтобы поразмыслить над ситуацией, которую

ему изложили... Сергей Федорович сразу же раскусил этот трюк, но решил подыграть. Нельзя было позволять Дмитриеву слишком уж детально во всё вдаваться – могли бы вылезти разные «непричёсанности». Поэтому профессор решил сделать немедленную ответную подачу в этом интеллектуальном пинг-понге.

– Знали. За двадцать лет еще знали...

Полковник удивленно вскинул на Сергея Федоровича глаза...

– Да, Михалыч, не удивляйся. За двадцать лет до этой канители мы уже знали, что наступает новый ледниковый период... И глобальное потепление мы специально придумали.

– Но зачем? Что за мировой заговортакой?

– Не заговор, а договор. Глобальное потепление и парниковый эффект – это такая уловка. Для экономии топливно-минеральных ресурсов, которые необходимы для выживания в ледниковый период.

– Во как. Никогда бы не додумался, – полковник задумчиво посмотрел на свою руку. – И что, много удалось наэкономить.

– Нет, Михалыч. Совсем немного. На всех не хватит. Будет время – посмотри графики добычи основных полезных ископаемых. Они не секретные. Беда в том, что уже по большинству позиций мы при современных технологиях пик добычи уже прошли. Надо нам больше, а добываем мы все меньше и меньше.

– Печально. А слышал ли что про замкнутый ядерный цикл?

– Да, это ведь «наше всё».

– Не спасет?

– Трудно сказать. Там ведь вишь штуку какая – не ураном единым жив атомпром, но цирконием, кадмием, иттрием и рутением, и прочего такой списочек – закачаешься. Для выживания помимо атомщиков нужен какой то лоу-тек, простые ответы на сложные вопросы...

– Эх, Федорович... Наука всё твоя...

– И все же, что там насчет моих человечков?

– Думаю, подадим под соусом того, что они наши люди.... С заданием каким-то мелким,... а тут такая-вот несуразность. Думаю, можно будет оформить.

– Ну, что ж, Михалыч, я тебе полностью доверяю. И хочу обнадежить – у нас тоже есть успехи. Так что, выйдя на пенсию после своего повышения, можешь вполне рассчитывать на дачу с декоративным ягелем...

– Еще недавно это прозвучало бы как угроза... эээ.... Колымы... – полковник обнажил крепкие, белые зубы в улыбке.

– К сожалению, как ты видишь прямо за своим окном, Колыма пришла к нам, на юга. Когда мне ждать этих гавриков и где?

– Поезжай к управлению. Часа через два, как раз к твоему приезду, их отпустят. Лады?

– Лады! Удачи тебе, полковник!

– И тебе, Федорыч того же и по тому же месту!

Выйдя из кабинета полковника, Сергей Федорович выглянул в открытое окно, в котором уже начало сереть. Солнце еще не взошло, но ночь уже начала отступать. Снег усиливался. «Нда, – подумал про себя он, – как в песне про землю Франца-Иосифа... « В сентябре уже снега навалом, да и в августе та же фигня...». Снег постепенно перешел в дождь. По старым меркам. Стояла погода, подходящая скорее концу ноября.

Сергей Федорович с печалью заметил, что многие деревья мертвы, и их сухие сучья создают картину поздней осени, хотя на самом деле происходящее вокруг к настоящей осени не имеет никакого отношения. Более-менее себя чувствовали только хвойные, но и они начали болеть из-за постоянной сырости.

Нахлобучив старомодную шапку, он двинулся к остановке трамвая. Утро до рассвета всегда создает странное, нереальное ощущение. Большинство из нас проводит это время в глу-

боком сне, и поэтому мы его упускаем из каждодневного опыта. Проведя бессонную ночь, он знал, что ближе к обеду его будет одолевать непреодолимая сонливость. Благо, он предупредил Жванию о необходимости получить свободный день. В лаборатории за старшую осталась Варвара – это хорошо, она справится.

Дежурный трамвай марки «Север 2» был совершенно пуст, а так как это автоматизированный вагон, то не было даже кондуктора. Медленно катясь по рельсам в вагоне, Сергей Федорович видел через окно, как дождь опять сменился снегом, который уже почти не таял. Постепенно начали гасить уличное освещение.

Он решил, что будет ждать недалеко от ворот управления и постарается незаметно проследить за Колей и Машей, и лишь потом, в удобном месте, инсценировать удивленную встречу. Интересно, куда же они пойдут, когда их выведут из изолятора? Какое же решение они примут?

В Сергее Федоровиче проснулось очень странное чувство. Это нельзя было назвать азартом. Скорее какое-то любопытство экспериментатора. Он понимал, что его нельзя считать ни хорошим отцом, ни, возможно, вообще, хорошим человеком. Его натура была изменена тем образом жизни, который он был вынужден вести.

Глава 7

*Ой, то не вечер, то не вечер,
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Ох, да во сне привиделось.
Мне малым-мало спалось,
Ох, да во сне привиделось.
Русская народная песня*

Очень рано утром, еще до пробудки с грохотом открылась дверь.

– Гуцин, с вещами на выход.

Еще только не проснувшись, Коля быстро оделся и выдвинулся к двери. Ему не хотелось беспокоить тех, кто еще спал. Он вышел в коридор, где охранник с усталым, почти лишенным любых эмоций лицом проводил его к дежурному.

– Гуцин Николай Дмитриевич. Просим прощения! Ваши документы. Вы свободны.

– А Маша?

– Марья Сергеевна будет освобождена в самое ближайшее время. Просим прощение, что сорвали вам выполнение задания. Накладочка получилась.

Коля ничего не понял насчет задания, но не подал виду.

– Я могу её подождать здесь?

– Конечно, лейтенант, ждите...

Коля был удивлен таким обращением еще больше. Но он видел, что в любом случае лучше меньше говорить, чтобы не спугнуть удачу. По-видимому его с кем-то перепутали. Когда вышла Маша, он понял, что её прямо сейчас нельзя ни обнять, ни поцеловать, хотя ему больше всего хотелось сделать именно это.

– Спокойного дежурства! – на ходу бросил Коля дежурному, и взяв Машу за руку, твёрдо вывел её на двор. Во дворе напротив входа стоял в зимнем офицерском обмундировании незнакомый абсолютно лысый мужчина, лет пятидесяти. Он весело улыбался, и при приближении Коли резко подал ему руку.

– Ну что вы, лейтенант, не расстраивайтесь. Всяко бывает! И вы, Мария Сергеевна... Проходите в машину, я отвезу вас.

Коля пожал руку. Но он никак не мог понять, что вообще происходит. Может их путают с кем-то? Может, это какая-то спецоперация. В любом случае – лучше молчать и подыгрывать, ибо никакого иного выхода просто не было. Сердце колотилось как бешенное. Они сели на заднее кресло служебной машины. Человек обернулся к ним и сказал.

– Ребят, спокойно. Я школьный друг Машиного отца. Сейчас я вас отвезу обратно на квартиру, и вы уже там, по-семейному, во всем разберётесь.

– А почему я лейтенант? – удивился Коля.

– Не обращай внимания. А лучше и вовсе обо всем этом забудь.

Машина выехала на улицу в сторону дома, где жила Маша. Дизельный двигатель тихо урчал на малых оборотах, и двигались они, несмотря на практически свободную проезжую часть, не слишком быстро.

Встретивший их во дворе управления человек еще раз повернулся к ним, и виновато улыбнувшись, сказал:

– Ой, забыл представиться! Я Александр Аркадьевич. Вам, Маш, отец никогда не рассказывал, как мы с ним в детстве ловили сомов... О, это была та еще хохма. – он совершенно искренне расхохотался.

Несмотря на свою странноватую внешность, полковник Дмитриев умел довольно быстро расположить к себе людей. После нескольких минут, проведенных с ним рядом, он казался добродушным балагуром и уже через мгновение, Коля и Маша почувствовали себя весьма раскованно. Казалось, что они знают «дядю Сашу» с самого детства.

«Надо же, как странно распоряжается судьба, – думала Маша, хохоча над очередной остроумной шуткой «Александра Аркадьевича», – совершенно случайно папин знакомый оказался каким-то начальником МГБ, да еще и довольно влиятельным.

Когда они подъехали, Маша, неожиданно для самой себя предложила:

– Дядя Саша, а вы не слишком заняты. Может, зайдете к нам на чашечку чая?

– С превеликим удовольствием! – тут же согласился полковник, – Но ненадолго. Дела все-таки у меня еще есть!

Когда Сергей Федорович прибыл к управлению МГБ, сколько он не ждал у въездных ворот, ничего не происходило.

«Неужели их так и не отпустили?» – подумал он с нарастающим беспокойством. Изрядно замерзший и разочарованный, он медленным шагом отправился прочь. Решил не садиться на трамвай и пройти до своего дома пешком, и за это время на свежем воздухе всё хорошенько обдумать. Нет лучшего способа успокоить собственные мысли, чем одинокая прогулка по малолюдной дороге. «Что же могло произойти?».

В это время в их квартире полковник Дмитриев, Маша и Коля пили чай и весело болтали.

– Коль, – улыбаясь во весь рот, полковник едва прикоснулся рукой к его плечу. – Совсем с вами, молодыми, заболтался... так бы и увёз опять. В машине у меня есть кое-что для Сергей Федоровича. Он давно меня просил. Поможешь?

– А что там? – Коля насторожился.

– Да, собственно, рухлядь. Старые документы по одному давно рассекреченному проекту. Мы их списали в своём архиве и хотели выбросить, а Сергей Федоровичу я про них за рюмочкой проболтался... и он просил как-нибудь к нему закинуть это всё добро. Да всё времени специально на это не удавалось выделить... да и что скрывать, вылетало из головы.

Они вышли из квартиры, сначала полковник, а Коля вслед за ним. Полковник насвистывал себе под нос «Полёт Валькирий» Вагнера и двигал в такт лысой головой. Внезапно на очередной лестничной площадке он резко обернулся и буквально вжал своим телом Колю в стену. Его лицо, уже совсем не добродушное, а строгое и властное оказалось рядом с Колиными глазами. Серые глаза полковника потемнели и стали похожи на непроницаемый графит. Предплечье скользящим движением оказалось на уровне Колиного кадыка и надавливало на него с тем точно рассчитанным усилием, что любая попытка пошевелиться вызывала боль и удушье.

– А теперь послушайте-ка, гражданин Гуцин Николай Дмитриевич, 2016 года рождения, идентификационный номер 708 93 456 12. Вы в весьма скверном положении. Тех дел, что провернул ваш отец, да и ваших чемоданчиков с валютой более чем достаточно, чтобы вы по Закону о чрезвычайном положении были, как минимум, заключены в особый лагерь до окончания. И смею вас, дорогуша, уверить, что это совсем не тот милый курорт, который мы устраиваем для задержанных манифестантов и подставных «лидеров».

Коля пучил глаза. И от боли в кадыке. И от удивления. И от страха.

– Но мы, – продолжил «Александр Аркадьевич», – заметьте, устроили для вас и вашей дражайшей девчущечки отменное цирковое выступление с чудесным освобождением. Думаю, даже Гудини позавидовал-бы... И, хотя бы даже из чистой благодарности, помимо того, что иного выхода мы вам не оставляем, вы должны любезно согласиться на сотрудничество.

Полковник чуть приотпустил горло Коли и он закашлялся.

– Если вы спросите, что вам следует делать? – полковник опять улыбнулся с почти неподдельным радушием на лице, – а вы ведь именно это хотели бы спросить, не так ли? – Он сделал драматическую паузу.

Коля моргнул глазами, как бы подтверждая, что именно это он и хотел узнать. Хотя на самом деле больше всего в жизни он бы сейчас хотел оказаться где-то далеко-далеко отсюда, с Машей, на необитаемом острове... и вообще ничего не знать и даже не думать обо всем, что вокруг него сейчас происходит.

– Всё очень просто – приглядывайте за профессором... Всего лишь... Наш профессор – человек надёжный, но слишком важный для того, чтобы мы оставляли его без надзора. Поймите меня правильно... – «дядя Саша» опять улыбнулся, как бы притворно «извиняясь».

Перепады эмоций, неожиданные и резкие переходы от «добродушия» к угрозам, каждое движение «дяди Саши», – все это действовало на Колю таким образом, что он не мог собраться с мыслями. Этот человек, еще недавно, во время поездки вызывавший симпатию, теперь вызывал просто животный страх, и одновременно обреченную подчиненность марионетки в руках кукловода.

– А теперь, – отпустив Колю, продолжил «дядя Саша», – пойдемте-же к машине, мой юный друг. Я нагржу вас прелюбопытными документами. Они действительно стоят внимания, поверьте! И кстати, – он выразительно поднял указательный палец, – доложите мне то, как на все это богатство отреагирует наш профессор. Связь можете не искать – я сам найду вас в нужный момент и в нужном мне месте.

В багажнике машины лежали толстые картонные папки приглушенно-зеленого цвета. Папок была целая стопка, и в углубления рельефа, вытесненного на картоне, въелась специфическая архивная пыль. На титульных страницах небрежно перечеркнутый гриф «Совсекретно» и штамп «Списано по истечению срока хранения...» с датой и подписью архивариуса.

– Ну что же, мне надо спешить, – полковник дружески похлопал Колю по плечу и сел в машину, – и да, поцелуй за меня Машу!

Двигатель завелся, и машина тут же тронулась, обдав растерянного Колю с тяжелой стопкой документов в руках запахом горелого дизтоплива.

Коля поднялся обратно в квартиру. Маша удивленно открыла дверь.

– О, а где дядя Саша?

– Уехал.

– А ты почему такой бледный?

– Что-то живот прихватило...

Коля положил стопку документов на тумбочку возле входа и решительным шагом направился к туалету. Его трясло и противная холодная испарина выступила на лбу и ладонях. Оказавшись наедине с самим собой, он глубоко вдохнул и попытался вернуть себя в эмоционально-уравновешенное состояние.

– Как ты? – через дверь спросила встревоженная Маша, – Ты, наверное, отравился тюремной едой!

– Нормально... Уже лучше...

– Или, может быть, следствие стресса, – сказала Маша, будто больше для самой себя, мысли вслух. Она пошла на кухню. Пройдя мимо папок, она не удержалась и захватила с собой верхнюю. Развязав веревочки, которые связывали эту папку, она уставилась с удивлением на пожелтевшие странички.

Там были фотографии каких-то странных растений, которые она никогда не видела даже в Интернете. Но, что удивительнее всего, на некоторых рядом с растениями была её мама: совсем молоденькая, в коротком белом халатике.

Глава 8

*То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит, —
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист, дрожит.
Извела меня кручина,
Подколотная змея!..
Догорай, моя лучина,
Догорю с тобой и я!
Русская народная песня*

Подойдя к подъезду родного дома, Сергей Федорович поднял взгляд вверх и сразу увидел в окне Машу. Она, привстав на цыпочки, как в детстве, смотрела на улицу. Её глаза улыбались. Встретившись взглядами, они словно на долю секунды смутились, а потом Маша замахала рукой. Профессор рассмеялся в бороду.

– А нас забрал Александр Аркадьевич! – с ходу, не успел Сергей Федорович даже войти, выпалила Маша. – Он такой милый. А ты никогда не рассказывал, что у тебя такие друзья детства. А Коля, глупенький, даже приревновал... вон, стоит нахохлившись...

– Александр Аркадьевич, значит..., – профессор понял, что полковник представился своим старым именем прикрытия, – ну, замечательно, что удалось выпутаться из этой истории. Обняв дочь и пожав Коле руку, он вдруг остановил свой взгляд на стопке папок...

– А, – продолжила щебетать Маша, – это папочка, дядя Саша тебе передал. Говорит, давно уже обещал это сделать – да все вылетало из его, цитата – «дырявой, как алюминиевый дуршлаг, памяти».

Маша рассмеялась. Настроение у неё было очень возбужденно-радостное, почти восторженное. По глазам Коли профессор сразу понял, что на самом деле ситуация не столь веселая и безоблачная, как это рисовалось в воображении Маши.

На кухне лежала открытая на первой странице папка. Сергей Федорович внимательно посмотрел на титульную страничку. Аккуратно взял в руки. Среди множества виз и подписей на этой бумаге была подпись и самого Сергея Федоровича. Младшего научного сотрудника. Чуть ниже – подпись Машиной мамы, Авроры...

Сергей Федорович тяжело уселся на диван. Откуда-то исподволь начали вылезать давно забытые сцены и детали его прошлого. Они проступали, словно симпатические чернила. Аврора... Её называли так в честь крейсера, на котором во время экскурсии в тогдашний Ленинград её родители и познакомились. Сама она немного стеснялась своего имени, и это было даже забавно. Друзья её звали Лорой, а он, когда они уже жили вместе – Лаурой. Как прекрасную возлюбленную одного знаменитого итальянского поэта.

Она пришла в их институт, и показалась ему такой решительной, смелой и не похожей на других. Она ему очень нравилась и в то же время он её побаивался. Какое-то время они работали вместе, а потом она первая предложила ему проводить её до дома. Это было неожиданно и одновременно так волнительно...

Сергей Федорович еще раз глянул на подпись...

В его голове пронеслось то, когда они были близки в последний раз. Он был весь поглощен тогдашним проектом, который ему казался таким многообещающим.

Он вспоминал тот вечер. На следующий день ему нужно было сдавать проект.

К тому моменту вот уже много дней Сергей Федорович возвращался домой поздно вечером. Он стал угрюм и не разговорчив. Лора старалась ему не мешать, терпеливо выполняла

всю нудную домашнюю работу. К тому же еще и Маши в школе начались какие-то проблемы с математикой. А он, наверное, даже не замечал этого.

Уже несколько дней как Лора засыпала и просыпалась одна.

Сергей Федорович либо вообще не ложился, либо уже вставал к тому моменту, когда она открывала свои глаза. И так много дней. Эти дни перерастали в недели.

– Поговори со мной? – попросила Лора. – Я не в силах терпеть эту холодную тишину.

Сергей Федорович оторвал взгляд от очередных томов документов:

– Лор, это правда – очень важный проект. Судьба зависит от него. И не только наша с тобой!

– Наша? – Лора отвернулась и уставилась в окно, согревая руки чашкой с кипятком. – А ещё есть мы? – прошептала она, но Сергей Федорович её уже не слышал. Он опять погрузился в изучение цифр и расчётов.

Вот он, её единственный, тот, кто по идее должен был бы принести столько счастья, тепла и любви в жизнь, отгородился от неё стеной. Эта стена – проект, от которого, как он говорит, «всё зависит». Как он не мог понять, что всё зависит еще и от того, что люди нуждаются в ласке. От того, что она в ней нуждается....

В жизни двоих всегда много всяких ситуаций: недосказанность перерастает в недопонимание, иллюзии в разочарования, а верность и искренность не всегда вознаграждаются. Всегда наступает момент, когда сам себе задаёшь миллионы вопросов, а вот с ответами хуже – найти сложнее.

Лора смотрела на Сергея Федоровича и воспоминания проведённых дней, их абсолютного доверия и восторженности друг другом в самом начале их отношений предстали перед ней. Ему тоже казалось тогда, что их отношения полны искренней раскованности.

Еще недавно она точно была уверена в нём. Сейчас просто такой момент, когда она отодвинута на второй план. И её это злит, очень злит!

Лора вышла прочь из комнаты, не было сил смотреть, как человек, еще недавно провоцирующий бурю приятных эмоций, желаний (а скорее ожиданий и слепых надежд), уставился в бумаги, и не видит ничего перед собой.

«Сережа, кто ты?» – звучал эхом вопрос в её утомленном сознании. Кто это сидит перед ней, забравшись в оболочку некогда любимого ею тела?

– Наберись терпения и жди, он рядом – просто это проект. Женщина должна быть мудрой! – сказала себе Лора, глядя на своё отражение, и вдруг ощутила, что врёт самой себе. Она врёт себе и от этого ей захотелось крикнуть и разбить зеркало.

Вчера вечером заходил их общий коллега по лаборатории. Он с торжественным видом принёс непонятного вида овощ.

– Лора, это наше будущее, это надежда на жизнь! – Сергей Федорович восхищенно глядел на принесенное «нечто» куда более вожаденно, чем на её обнаженное тело, даже во самые лучшие их времена. – Придумаешь чего-нибудь кулинарное из него?.

Вот только выглядела эта «надежда», как-то странно: темно-сиреневая, продолговатой формы. Она покрутила его в руках и у неё возникли самые непристойные ассоциации. Сцепив челюсти, она чуть не расплакалась... чувствуя себя полной душой.

Лора разрешила овощ, сняла кожицу. На вкус немного сладковатый, но сухой. Это всё видимо из-за условий выращивания. Станный всё-таки вкус, на картофель похож. Вот, наверное, если запечь будет даже ничего.

Люди ко всему привыкнут, наверное.

Лора готовила, а её мысли блуждали в пространстве. То от ярких беззаботных дней наполненных всеохватывающей любовью, то к тем дням, когда их разделяла эта бетонная стена его занятости и взаимного непонимания.

Часы отсчитывали минуты. Лора знала, что сегодня так же как вчера засыпать она будет сама. Как же холодно одной ложиться в постель двуспальной широкой кровати. И это не только физический холод, холод этот в душе. И кто знает, какой холод легче вынести. От гнетущего состояния одиночества в квартире нечем становилось дышать.

Сергей Федорович не ужинал, он ограничивался только мелким перекусом. Так быстрее. Лора заварила его любимый травяной чай, и залив его в термос оставила на столе.

После выпечки чудо-овощ оказался довольно съедобным. Переложив приготовленную снедь в пищевой контейнер, Лора накрыла его термокрышкой. Может Сергей Федорович всё-таки поест... Она заглянула в кабинет. Там ничего не изменилось, только бумаг стало, наверное, больше. Они разрастались, захлавив весь стол.

Сергей Федорович погрузился полностью в изучение докладов и цифр, он не видел и ничего вокруг себя. Лора представила, как сейчас опять ляжет в кровать одна и будет засыпать, обласканная лишь воспоминаниями прошлого. А это странная ласка, которая на секунду даёт наслаждение – а затем боль и одиночество только нарастают, сводя с ума.

– Серёженька, шестьдесят секундочек!

– Что? Подожди, ещё чуток...

– Шестьдесят секунд! – сказала Лора более решительно.

– Лора, я... – Сергей Федорович, не отрывал взгляда от бумаг, и говорил поверх строк.

– Нет, посмотри на меня! – Лора подошла к столу – Подари мне несчастных шестьдесят секунд своего времени. Ну, разве это много?

Сергей Федорович взглянул на Лору в замешательстве

– Что еще за шестьдесят секунд?

– Дай мне всего лишь шестьдесят секунд! – Лора уже не просила, она требовала, и было ясно, что предстоит разговор.

Сергей Федорович поднялся и подошёл ближе, взял её за плечи.

– Время, – женщина указала на настенные часы – Молчи. Ужин под термокрышкой, термос с чаем на столе. Поешь. Не расстраивай меня больше. Я всё понимаю, что так нужно, но как же это тяжело. Я буду ждать, я рядом – помни это. Вот, и осталось еще пятнадцать секунд...

Сергей Федорович устало улыбнулся:

– Лорочка, милая, ну что такое пятнадцать секунд

Лора приподнялась на цыпочки обхватив лицо Сергея Федоровича ладошками. Она смотрела ему в глаза. Щетина покалывала. С этими всеми событиями он от много отказался.

Лора прикоснулась губами к его щеке. Ей казалось, что она сейчас просто расплачется. Короткими лёгкими мелкими поцелуями прокладывала она дорожку к его губам. Лора старалась не закрывать глаза, что бы не только чувствовать, но и видеть всё до мельчайших деталей. Не упустить мгновенье, запомнить всё.

Его губы упругие, всегда убеждающие, дарящие наслаждение, сегодня безвольные и сухие. Их губы соединились, но его реакция была сдержанной вежливой и сухой. Это было чересчур больно... Теперь слёз точно не миновать. Глаза сами сомкнулись, ведь смотреть на это просто не хватало сил.

Лора приникла к нему, к своему исчезающему кумиру, живущему где-то там, в глубине этого вечно занятого автомата. Пусть все её чувства передадутся ему, пусть он тоже оживёт и почувствует её трепет, её желание, её всю.

Вдохнув воздуха побольше, Лора коснулась кончиком языка его нижней губы. Хотелось чего —то большего и более чувственного.

Не сдерживая своих чувств, из всех возможных сил Лора прижалась к нему. Пусть даже на мгновенье, пусть даже через одежду, пусть как одержимая, но она почувствует тепло его тела, его пьянящий запах, биение его сердца, дыхание.

Поцелуй становился всё решительней, трепетней, чувственней, нежнее..
Необходимый, как воздух.

Со всей жадностью, присущей умирающему от жажды, Лора припала к его губам, как к источнику жизни.

Своим поцелуем она хотела сказать, что любит, жаждет его, хочет дышать с ним одним на двоих воздухом, стать его частью, только его женщиной, которая растворится в нём без остатка. Мысли неслись в голове, как вихрь: «Ты ведь мой? Я ведь нужна тебе? Только не покидай».

Невозможно сражаться с собой, когда тебя целует любимый человек. Поток волнения и тепла, трепета, смешанных чувств заполняют каждую клеточку. Сергей Федорович в этот миг полностью разделял чувства Лори. Его правая рука легла ей на талию и легонько нежно и крепко прижала ещё плотней к себе. Левой рукой он коснулся мягких щёк, по которым ручьями текли слёзы. Он всё понимал..

«Лора, родная, я рядом, я никуда не ушёл», – говорил его ответный поцелуй.

Если бы не его крепкие руки, Лора упала бы от переполняющих её чувств. Ноги предательски дрогнули, она потеряла равновесие.

– Ты чего?

– Шестьдесят секунд прошли, – улыбнулась Лора.

– Я, – хотел было что-то сказать Сергей Федорович

– Молчи, – прошептала Лора, касаясь своей маленькой ладошкой его губы, – поужинай. Давай хоть эти секунды будем прежними.

И сейчас, сидя на старом диване, том самом, который стоял тогда рядом, Сергей Федорович жалел лишь обо одном. Что он послушал её, и вновь вернулся к работе.

Нужно было поступить совсем иначе – обнять её, увлечь, такую податливую на этот диван и уделить ей час, два, шесть... Ласкать её измученное жаждой любви тело, так просящее нежных и страстных прикосновений... Бесстыдно и сладостно... Подарить её губам и рукам себя, ведь и он этого безумно хотел. Пусть бы даже все равно это не спасло бы их отношения, но был бы еще один упоительный момент их любви. Но он упустил это...

Впрочем, – он резко остановил собственную фантазию, – а не обманывает ли он сейчас сам себя в своих воспоминаниях? Не приписывает ли образу ушедшей от него жены того, чего никогда не было? Что, собственно он мог сделать в тот момент?

Работа отбирала все силы, а Лора брезгливо не воспринимала, как она сама говорила, никаких «извращений». Она даже его руку отталкивала, когда он пытался приласкать её сокровенные места, уж что говорить о чем-то большем... Правда, порой она пыталась изобразить животную страсть, но требовала только «классику». А «классические дисциплины» давались ему всё хуже и хуже, и с каждой осечкой или неудачей он чувствовал приступ холодного отторжения и стыда.

Чем больше он пропускал её «уроки», тем хуже получалось выполнить «задания»; и, в конце концов, он стал просто «прогуливать», прикрываясь занятостью. Хотя сложно сказать, прикрываясь ли? Или действительно, как раз занятость была основной причиной происходящего. Ему казалось, что стоит слегка отдохнуть, и прежняя мужская сила к нему вернётся, но отдохнуть как раз и не получалось. Ничто особенно не приносило ни радости, ни облегчения.

Он тогда был так занят, что обрюзг, набрал лишний вес, обрел целую кучу вредных привычек, которые даже не замечал. Тайком от жены и от коллег пил флакончиками медицинский спирт, предназначавшийся для экспериментов. И кто знает, чем бы это закончилось – не уйди она от него тогда, резко и болезненно для него.

Это случилось тогда, более семнадцати лет назад... Но как это всё было принять? Как было смириться? Можно было, конечно, позволить отчаянно взять верх над собой и упасть

на самое дно своего сознания, туда, где нет ни света, ни выхода. Только мрак и печаль господствуют там. Как не дать сердцу чувствовать, как остановить мысли.. А дальше? Что дальше? Он тогда почувствовал, что он отец – значит, сдаваться просто не имел права! Стоило бы тогда дать лишь слабину: он бы упал на дно, заливал бы глотку спиртом, бился бы в конвульсиях душевной боли, жалко и театрально заламывая руки.

Но он пошёл другим путём. К своему удивлению, он безропотно позволил Дмитриеву затащить его в спортзал почти за год до того, как это стало обязательным для всех сотрудников стратегических объектов. Они тогда вместе наматывали круги по подземному стадиону, поднимали тяжести и занимались в группе тайцзицюань. Они до изнеможения лупили руками и ногами боксерские мешки и макивары, и профессор не мог понять, откуда только в нём есть столько внутренней ярости, что порой кожа на мешке лопалась.

Отдельно, уже самостоятельно, осваивал йогу. Это было странно, но именно эта странность происходящего с ним, необычность помогала преодолевать боль.

Встрепенувшись, словно ото сна, он пошёл на кухню. Там ворковали Маша и Коля. Маша сидела на Колиных коленях и кормила его какой-то самодельной сладостью, и дурачась, слизывала с уголков его рта варенье. Не заметив вовремя Сергей Федоровича, они смущенно вскочили, залившись краской.

Сергей Федорович хотел им сейчас сказать то важное, о чем он только что горько раздумывал. Сказать то, чтобы они никогда не отодвигали своих любимых на второй план, зарывшись в куче непонятных дел. Он посмотрел в смущенные юные глаза.

– Простите, что я вас побеспокоил...., – сказал профессор растерянным, очень грустным голосом, – Не стыдитесь быть вместе....

Он повернулся и вышел из комнаты. И ему почудилось, что он всё испортил. Опять всё испортил. Наверняка его слова они воспримут как скрытый упрек, а ведь он хотел сказать что-то совсем другое.

Он захватил с собой несколько папок из середины стопки. Там были незнакомые ему названия и фамилии... Интересно, это собрание досье на все подобные проекты? Надо будет обязательно ознакомиться поподробнее...

Глава 9

*Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.
Ой, беда приключилася страшная!
Мы такой незнавали вовек...
Русская народная песня*

Ближе к ужину Сергей Федорович позвонил в Институт, Варваре, чтобы выяснить, как обстоят дела в его отсутствие.

– Добрый вечер, Варвара! Как прошёл день?

– В целом штатно, Сергей Федорович. Были небольшие проблемы с третьей климатической установкой – её параметры отклонялись от заданных.... Но инженеры-механики более-менее это отрегулировали. И еще сегодня карточки снабжения обновили. Можно отоварить!

– Я знаю, мне пришло сообщение. Устала?

– Есть немного, Сергей Федорович. Вторые сутки почти на ногах.

– Хоть удалось поспать?

– Да, немного. Но на рабочем месте. На кушетке в кабинете.

– Сочувствую. Как обстоят дела с посевами на четвертом участке.

– Ну, – Варвара замялась, – простите, Сергей Федорович. Руки не доходили.

– Проще говоря, забыли проверить. И даже никого не отправили, – в голосе профессора слышались нотки осуждения, даже возмущения..

На том конце трубки было едва слышное, но всё же вполне различимое виноватое сопение.

– Ладно, не стоит переживать, – Сергей Федорович смягчился. – К полночи подъеду и сам всё проверю. А ты, голубушка, сдай дела техникам и отправляйся спать, восстанови силы.

– Хорошо, Сергей Федорович.

Он сел на кресло и принялся изучать привезенные полковником папки. Особенно его потрясли исследования некоего Ларионова, посвященные росту плесени в радиоактивных условиях. Он предполагал даже, что плесень может использовать энергию ионизирующего излучения для автотрофного питания. То есть, аналогично фотосинтезу. Отсюда рисовались перспективы чуть ли не заселения Марса за счет плесневых колоний, сосредоточенных вокруг источников радиоактивного излучения...

Нужно запомнить. Очень любопытно. Автотрофное питание у плесени... Питание...

Слово «питание» вызвало, однако, в памяти профессора и куда более прозаичные проблемы, далёкие от фундаментальной науки. Сергей Федорович серьёзно задумался над тем, чтобы как-то пристроить Колю и Машу, потому как без этого выжить было бы крайне трудно. Он достал с полки древнего книжного шкафа нэцкэ, изображающее японского бога Хотэя, и задумчиво начал его рассматривать.

Беда в том, что Маша еще училась на платном отделении Института экономики имени А. Чубайса, и не только не получала снабжения, но еще в течении года должна была вносить плату за своё обучение (что существенно откусывало от зарплаты Сергея Федоровича). Коля, как студент госуниверситета, получал продуктовое снабжение и небольшое денежное содержание, но в любом случае в ситуации, когда его отец арестован, он вряд ли может рассчитывать на какие-то дополнительные средства. А выжить на то, что государство выделяло студентам, было весьма непросто.

Почти синхронно с Сергеем Федоровичем, сидя в кресле в двух метрах от него, но в соседней комнате, о том же мучительно размышлял сам Коля, Только, как говорить, от первого лица.

При университете, где учился Коля, был создан специальный пункт отоваривания продуктовых карточек. Старая бабушка Глаша и пара её не менее великовозрастных подруг, кряхтя и ворча за стареньким электронным бюро, занимались выдачей внушительных на вид коробок. Бабушки были настолько старыми, что едва могли поднять коробку. Но посторонним заходить внутрь маленькой кладовой они не позволяли – сразу же начинали голосить, как стайка перевозбужденных пекинесов.

Получали студенты продукты на месяц, но это был очень скудный паёк, который они съедали максимум за первые две недели. Потом многие были настолько голодны, что у них не хватало сил посещать занятия.

Коля, конечно, в голодные обмороки не падал, ведь жил он с родителями, а они, как служащие чиновничьего аппарата, получали значительно лучшее содержание. Тем не менее, и ему было нелегко.

В первую субботу месяца он шёл за причитающимся ему месячным пайком, который строился из расчета суточного поступления в виде 1300 килокалорий. Считалось, что студент – существо наделенное смекалкой, и недостающие калории он сможет раздобыть самостоятельно в свободное от учебы время.

Обычно в коробке с блестящим лейблом Роспотребснабжения находился внушительный пакет сублимированного картофельного пюре с добавлением бобовой муки, немного сухого соевого молока и упаковка синтетических поливитаминов. Иногда там можно было найти так же маленькую коробочку вяленой кильки и какие-то непонятные специи, которые предполагалось добавлять в приготовляемое картофельное пюре.

Отдельно на месяц выдавался брусок комбинированного жира, который нужно было хранить в холодильнике.

Весило это все добро 12 килограммов, и перед выдачей несколько раз взвешивалось неторопливыми бабушками. Эта процедура создавала просто бесконечные, медленно продвигающиеся очереди.

Голодные и обозленные студенты, изнемогая в ожидании, готовы были на самые разные несурзности. И чтобы не нагнетать обстановку, руководство университета поставило в зале перед окошком пункта отоваривания продуктовых карточек длинные столы и добровольцы из студентов заваривали для всех желающих чай из огромного бойлера.

На установленный экран пускали разные популярные фильмы, репертуар которых утверждался студсоветом.

Коле нравилось после занятий зайти в этот зал даже в том случае, если он в этот день не получал своего пайка. Там собирались студенты не только из их университета, но и прикрепленные из других, более мелких высших учебных заведений. Вначале в этом импровизированном «ресторане» даже поили настоящим черным чаем, единственное – что без сахара. Однако через несколько месяцев черный чай стал большим дефицитом, который можно было купить лишь на черном рынке и все чаще в ход шли химически ароматизированные травяные чаи непонятного состава, по вкусу напоминающие растворимый порошок от простуды.

Такие чаи, на этикетке которых были написаны никому непонятные латинские названия диковинных растений, привозили в огромных количествах из более северных регионов. Считалось, что они смягчают последствие дефицита питательных веществ и притупляют чувство голода. И действительно, выпив стаканчик-другой, чувствуешь себя на порядок бодрее, и голова перестаёт кружиться.

Коля думал о том, что ему следует найти себе работу, которая дала бы достаточно ресурсов для более-менее нормального выживания. Может, стоит обратиться к «дяде Саше»? Ведь,

в конце концов, он заинтересован в том, чтобы Коля не помер с голоду, тем самым естественным образом уклонившись от исполнения обязанностей агента-доносчика.... Когда Коля об этом подумал, ему стало тошно на душе. Какая, в сущности, мерзость!

Маша же в это время принимала ванну, полностью наполненную горячей водой – ах, какая неопикуемая роскошь! И мысли у неё были весьма далеки от того, что беспокоило Колю и Сергея Федоровича. Хотя мысли у неё тоже были не совсем веселыми.

У неё совершенно закончилось более-менее пристойное нижнее бельё, и купить новое практически было невозможно. Ей было прямо неудобно перед Коленькой, как она любовно его называла....

Она представляла, как он будет заигрывать с ней, медленно раздевать, а потом вдруг перед ним предстанет... нечто непонятное, застиранное, с желтыми пятнами...

Все её старые запасы, и так небольшие, ушли в небытие. Купить же в нынешних условиях что-то, помимо стандартных, весьма уродливых, почти мужских трусиков, или того же бюстгалтера, более похожего на разгрузку бравого десантника, было невозможно. Поэтому, когда внезапно она обнаружила во время стирки растущую дырочку на её любимых персиковых плавках, её просто охватило отчаяние. Зашить? Но все равно ткань уже начала истончаться.

Ей почему-то стало стыдно и грустно. Сейчас она лежала и угрюмо смотрела на свисающие с веревки износившиеся трусики и чувствовала себя нарастающе несчастной... Еще недавно, вырвавшись из тюрьмы, она буквально летала на крыльях восторженного облегчения, но теперь, спустя несколько часов ей стало грустно.

Глава 10

*Степь да степь кругом,
Путь далек лежит,
В той степи глухой
Замерзал...
Русская народная песня*

Когда сын ушел с тяжелым чемоданом (и почти всей валютой, которую они с мужем накопили), мама Коли, окончательно успокоившись, задумалась и о собственной судьбе. У неё давно был согласованный с мужем план насчет этого. Где-то года три назад они с мужем тайно, на имя двоюродной сестры мужа оформили маленький домик в одной почти заброшенной деревне, почти в семидесяти километрах от Новосварожска.

Старый кирпичный домик.

В прихожей этого дома руками заезжих гастарбайтеров был вырыт схрон, в котором стояла консервация, разный инструмент и прочий полезный для выживания хлам. Так как в начале всех этих событий её муж был ответственным за соблюдение миграционного законодательства, они, посоветовавшись в одну из ночей, решили провернуть предложенный ею «хитрый план».

Они привезли бригаду гастарбайтеров, которым, помимо оплаты, обещали бесппроблемно оформить вид на жительство. Это были покорные узбекские парни, довольно плохо понимающие по-русски. Когда же все было сделано, муж просто позволил миграционной службе сделать то, что велел закон. И гастарбайтеры убрались к себе домой, в селения Ферганской долины, увезя с собой вместо обещанных денег только секреты, которые им некому будет рассказать.

Одев полуспортивную одежду, она пошла к соседям, у которых муж хранил два спортивных китайских велосипеда, специально «подстаренных» для того, чтобы не привлекать излишнего внимания. Соседи были людьми надёжными, прикормленными. У соседей же хранился так же два рюкзака с подготовленными мужем набором вещей, не столь уж многочисленных (ведь всё, что нужно, и даже с избытком ждало её в тайниках схрона). Она вышла из подъезда, ведя рядом велосипед. Опять шёл снег. Как же неудачно!

Сев на велосипед, она потихоньку поехала в направлении домика. Она очень жалела о том, что прежде не уделяла должного внимания велосипедным тренировкам. Ехала она очень неуверенно. Ей сразу вспомнилась сценка из древнего, еще советского фильма «Семнадцать мгновений весны»: «И тут Штирлиц понял, что пастор Шлаг совершенно не умеет ходить на лыжах...»

Приблизительно через триста метров она, неудачно повернув руль, оказалась в кювете. Изодрав коленку, она почувствовала, как ткань начал намочать от крови.

– Этого еще не хватало!

Дальше пришлось вести велосипед, а не ехать на нем. Снег просто не позволял ей ехать. Голова после падения гудела, она чувствовала периодически возникающее подташнивание и головокружение.

Примерно через три километра она постаралась как можно более незаметно оставить ставший обузой велосипед в подворотне. План, казавшийся гениальным, разваливался прямо на глазах. Всё тело ныло, нога кровоточила, и вдобавок ко всему она начала чувствовать, что замерзает.

Она преодолела только три с половиной километра из семидесяти, и уже была на грани отчаяния. Рядом проехал громадный военный грузовик с снеговым отвалом впереди и буквально похоронил её в пушистой массе свежевывающего снега. Её несло снежной массой, стирая в кровь лицо, руки и она вновь на мгновение потеряла сознание. Выбравшись из этой

массы, отплеываясь, она заплакала. Ей стало очень жалко себя. Все тело одеревенело, ноги не желали её слушаться, а в глазах прыгали какие-то назойливые мошки разного цвета.

Еще приблизительно через пол-километра она просто села в сугроб и поняла, что не может дальше двигаться. Лямки рюкзака слишком сильно давили на плечи.

Сбросив ставший слишком тяжелым рюкзак, она прошла еще около двух километров. Ноги гудели, а обочину дороги, по которой можно было идти, покрывал все более толстый и толстый слой снега.

Снова села на снег, просидела несколько минут, безучастно вглядываясь перед собой и чувствуя, как холодное ооченение поднимается снизу, охватывая её целиком. Сознание постепенно покидало её. Как в дымке она видела машину дорожного патруля, которая остановилась рядом. Двое крепких мужчин что-то пытались ей сказать, но их голоса звучали неразборчиво, и она только бестолково улыбалась...

Очнулась она в больнице. Почти через сутки. Она лежала в переполненной палате, где постоянно слышались чьи-то стоны, покашливания... Попытавшись встать, она почувствовала, что её ноги совершенно ватные, а голова кружится, словно она пьяна.

– Женщина, ну куда же вы! – уложила её обратно вбежавшая молодая медсестра. – У вас же сотрясение мозга!

А в это время в Машинной квартире спал Коля. Он сам не понял, как и уснул на маленьком диванчике в коридоре. Маша, увидев это, не стала его будить. Сергей Федорович отправился в свой Институт, и в квартире воцарилась буквально звенящая тишина.

Она подошла к нему и присев рядом, любовалась, поглаживая его упрямые волосы. Но так, чтобы он не проснулся.

– Ты спишь? – думала она с какой-то грустной нежностью, переполнявшей её. – Ты спишь? А снег за окном опять пошёл... эта бесконечная зима кажется никогда не закончится. Слово «вечность» выкладывал Кай, думаешь просто так? – она чуть наклонилась, чтобы почувствовать запах его волос. Они пахли чем-то невыразимо родным, принадлежавшим только ей одной. Она вспоминала их прогулки, в редкие-редкие солнечные деньки этого лета он приходил к ней, и они ходили вместе в пахнущую прелью седую зелень заброшенного поля. Посмотрев вновь на то, как за окном в свете фонаря валит снег, она склонилась еще ниже к его голове. Волосинки едва заметно колебались от её тихого дыхания.

– Всё хорошее проходит быстро, а зима длится бесконечно, вечно, – мысленно говорила она ему. – Снег падает неторопливо, закрывая всё и хорошее и плохое. Под этим ледяным сверкающим покрывалом ничего не видно, только однообразие белого цвета. А белый цвет разве имеет оттенки? Интересно, в мире остался ещё хоть один маленький уголок, где тепло?

Она представила: горячие солнечные лучи касаются их тел, и им так тепло- тепло. А они никуда не торопятся, они просто смотрят в бездонное голубое небо. И весь шум городов остался где-то за пределами.

Там должно быть так же тихо, как сейчас в уютном мирке её родной квартиры. В которой она провела детство. Которая помнит еще то время, пока здесь жила её мама.

– Ты знаешь, что бы я назвала безмятежностью? – продолжала мысленно говорить она ему. – Покой и безопасность тишины. Раньше я не знала, что самая прекрасная музыка – это тишина природы. Это когда нет посторонних для природы звуков: рёва мотора, грюканье поездов, жужжание вертолётв, заводских гудков. Оказывается, тишина – роскошь!

Ей казалось, что этот снег, холод и ветер – выдувают из них все надежды, а их мечты давно покрылись льдом. Единственная радость – солнце! Оно продолжало каждое утро показываться на небосклоне, даря слепую надежду на завтра. Жаль, что лучи его нынче совсем не греют. Скользящие лучи зимнего солнца, не согревают замёрзшие души. Все сидят по своим уголкам, закутанные в одеяла, надеясь хоть как-то согреть себя, сохранить тепло своих жизней. Но одному согреться в одеяле трудно. Обязательно нужен кто-то, вдвоём намного теплее.

И она счастлива, что у нее в эту бесконечную зиму есть её Коля, и когда он проснётся, они обязательно заберутся вместе под одеяло.

– Впрочем, к чему ждать? – внезапно подумала она. Наклонившись еще ниже, закрывая глаза от наслаждения, она кончиком языка коснулась его уха. Это всегда его заводило...

Он проснулся, немного растерянно оглядываясь.

– Ах ты мой соня... Пойдем, что ты здесь, словно собачка...

– Спать с тобой?

– Да, спать со мной, рядышком... Не хочешь, что ли?

– Хочу.

– Ну, так пошли, пока предлагаю, – Маша говорила слегка насмешливым тоном, но глаза её были полны нежности. Когда они забрались под одеяло, она прижалась к нему, и ей было так приятно, что Коля такой тёплый-тёплый... и полностью её... Она обняла его и руками, и ногами, и Коля почувствовал, что под тканью ночной сорочки ничего нет.

– Ты не надела трусики?

Маша тихо фыркнула. А потом прошептала.

– У меня осталась одна пара, да и та сушится на веревке в ванной.

– А Сергей Федорович?

– Он на работе... Обними меня, пожалуйста. Ты будешь меня обнимать, а я буду сонно нежиться в твоих объятиях...

Он медленно коснулся губами её переносицы, и прижал к себе её тело. Она довольно мурлыкнула и нежно сжала его ногу своими бедрами.

– Мой... Только мой... – прошептала она, и её горячий бутон женственного естества коснулся его обнаженной кожи, будто поцеловав..

И тут в двери послышался тревожный настойчивый стук. Он моментально уничтожил настроение теплого блаженства, в котором они пребывали.

– Боже, кто это может быть! – Маша выскочила из-под одеяла и, натянув махровый халат, пошла к двери. Коля тоже кинулся одеваться. Скорее всего – это Сергей Федорович, забыл какой-то документ, может быть...

В дверях стояла пунцовая соседка, которая возмущенно кривила губы.

– Вы совсем берега потеряли, соседей затапливать! – сразу почти выкрикнула она. – У меня с потолка потоком льётся вода! Только ремонт сделали – и тут! Вы за это заплатите... Показывайте, что у вас там в ванной.

Маша растерялась. Кинувшись в ванную, она обнаружила хлещущий из сорванного крана поток воды. Следом за ней в ванную кинулся и Коля. Попытавшись быстро, решительно что-то предпринять, он приблизил свою руку к крану, и вмиг оказался мокрым с головы до ног. Более всего в эту минуту он был похож на суслика, которого вылили из норки водой.

Соседка, пышущая гневом, увидев мокрого Колю не могла удержаться от смеха. Он буквально завизжала от хохота, и этот хохот был таким заразительным, что Маша тоже едва сдерживалась. Коля пытался отряхнуться, но мокрые волосы сбились во что-то несуразное. В квартире было достаточно холодно, градусов 18, не более, и от холодной воды его охватила крупная дрожь.

– Звоните в аварийку, чудики! – сказала соседка, уничижительно-сочувствующим тоном. Коле стало обидно.

– Маша, где у твоего отца инструмент?

– Воду на кран закрути, дурик, – не унималась соседка, насмешливо глядя в лицо Коле. – Вот же ж мужики пошли, малохолдные. Крантик на воду у вас на стояке в туалете!

– Спасибо! – процедил Коля сквозь зубы.

– Ой, да, пожалуйста! – соседка покачала головой и причмокнула оттопыренными губами, выражая полнейшее презрение и равнодушие. – Еще злиться там что-то, суслик...

Коля уже не знал, от чего его трясет больше. То ли от холода, то ли от соседки. Еще несколько минут назад он лежал и блаженствовал рядом с Машей, его достоинство и в прямом, и в переносном смысле поднималось, а ныне он, облитый холодной водой, вынужден терпеть присутствие этой противной женщины. Еще и Маша подхихикивает невпопад.

Он закрыл глаза и мысленно достал огромную дубинку, которой аккуратно ткнул соседку по затылку. Та взвизгнула и упала на пол. А он, закинув дубинку, грубо закидывает Машу к себе на громадное волосатое плечо, и с неандертальским гортанным ревом тащит её в пещеру для грубого и животного секса. Но открыв глаза, он понял, что твердокаменной противной соседке абсолютно нипочём его мысленная дубинка, и она по-прежнему стоит у него над душой, гнусно оскорбляя своей оттопыренной нижней губой.

Он почувствовал буквально всем телом, что это наглая тётка, вторгшаяся в их квартиру в определенной мере, священный для каждой любящей пары момент, и насмешливо взирающая на него, буквально вытягивает из него жизненную силу и самым натуральным образом гнобит мужское достоинство. И противнее всего, что по существующим негласным общественным правилам, с ней ничего не поделаешь.

Маша тоже почувствовала что-то неладное. С кухни притащив ведро и тряпку, начала собирать с кафельного пола воду таким образом, что буквально отталкивала своей наступающей спиной соседку к выходу. В конце концов, даже хлюпнула донцем ведра прямо возле неё, так, что брызги полетели вверх.

– Ну, ладно, разбирайтесь тут уж как-нибудь, – соседка, покрутив пальцем локон волос, повернулась по направлению к выходу. – Но воду без меня не включать!

Коля открутил сорвавшийся кран и понес его на кухню, разбирать. Сидя за столом, он остервенело колупался в заржавевшей, покрытой изнутри известковым налетом железяке.

Зашла Маша, и поставив ведро с грязноватой водой под раковину, приблизилась к нему.

– Коль, ты что, расстроился?

Он не ответил.

– Коль, ты что, серьёзно?

Он поднял на неё глаза, Её взгляд был веселым, но в то же время полным такой нежности, что он заулыбался. Она приблизилась к нему и поцеловала в щечку, закрыв глаза. Он в ответ нежно-нежно прикоснулся губами к её лбу, потому макушке, и прижав к себе, рассмеялся. Обнявшись, они покачивались и тихо хохотали над несурзным водяным приключением.

Глава 11

*Это вот моё,
Да это вот моё,
Ой, да это вот моё,
Богом данное.
Русская народная песня
Ночь... 2.00. 15 сентября 2XXX года.*

Десять с половиной метров ниже поверхности грунта. Сергей Федорович устало смотрел на прячущиеся в полумраке экспериментального зала вегетарии: изолированные грядки внутри огромных стеклянных параллелепипедов с искусственно создаваемыми условиями, контролируемые сложнейшей электронной аппаратурой.

Квантово-позитронный процессор центрального вычислительного устройства следил за процессами буквально в каждой клеточке растущих здесь растений, грибов, микроорганизмов, насекомых. Полностью подконтрольный искусственному разуму мирок.

Интересно, как Варя смогла спрятать в одном из вегетариев эти цветы, что он не заметил по данным электронного наблюдения их рост? Сергей Федорович сел за интерактивный экран своего терминала и начал просматривать базы данных с таблицами наблюдений

В лаборатории время практически не ощущалось; и было, в общем-то, практически всё равно: день ли на поверхности, или глубокая ночь. Зеленоватые отсветы светодиодных ламп играли на полированной поверхности стола, покрытого кислотостойким пластиком.. Ниже, в глубине зала гудела климатическая установка, работа которой напоминала о далёком завывании выюги.

Шея затекла, и он решил оторваться от работы.

Он встал, прошёлся до отсека химических реактивов, где среди колб и реторт в просторной клетке жила его любимица – крыска Матильда. Типичная лабораторная крыса, оставшаяся в живых после очередного эксперимента и теперь ставшая любимицей персонала. Она была необычайно умна и с легкостью проходила самые разнообразные задания и лабиринты, которые для неё делали неугомонные практиканты.

Профессор достал маленький кусочек сахара и, положив его на ладонь, открыл клетку. Матильда выбралась из своего домика и приблизившись к руке с сахаром, вопросительно посмотрела в глаза Сергею Федоровичу, будто спрашивая у него разрешения. Затем она схватила кусочек передними лапками и скрылась в домике.

Сергей Федорович замурлыкал под нос какую-то неопределенную мелодию. Он вновь поднялся к своему рабочему месту, достал из кармана ключи и присев на кожаное кресло, открыл ящик стола. Достав оттуда еще кусочек сахара, украдкой бросил себе в рот, зачем-то оглянувшись вокруг, как нашкодивший школьник. Ему стало смешно от его собственных действий. Он что, Матильды застеснялся? Или того, что есть после шести вечера вредно для здоровья?

Так и оставив ящик открытым... он вновь переключил внимание на экран. Выйдя в криптосеть, соединявшую все институты, ведомства и полигоны Росстратегии, этой полутайной, почти всемогущей в существующих условиях организации, он начал поиск зацепок на возможные вакансии для Маши и Коли. Это было реально, вполне реально, учитывая принципы формирования штата, применявшиеся в последнее время.

Конечно, нельзя было просто так войти в сеть, и посмотреть, что где-то нужны слесари, где-то профессора медицины, а где-то операторы моечных аппаратов... Доступ к подобной

информации имели вообще единицы. Но бегло взглянув на некоторые данные, вполне можно было определить, кому из руководства можно замолвить словечко.

На самом деле, проблема кадров для засекреченных организаций – это настоящая головная боль. Если ведущий специалистов вербуют исходя исключительно из длительного наблюдения за их работой, анализируя их связи и знакомства, то обслуживающий персонал – чаще всего это члены их семей, родственники, хорошие знакомые. И это продиктовано вовсе не коррупцией, как может показаться на первый взгляд. Просто так куда удобнее следить за возможными утечками секретной информации.

Холостых и незамужних специалистов, и профессор это знал по откровениям того же Дмитриева, нередко «незаметно» сводят с завербованными службой внутренней безопасности агентами. Причём работают в этом направлении плотно, включая в подготовку агентов все ухищрения семейной психологии, сексологии и даже кулинарии... И все это не со зла, просто проанализировав печальный опыт многочисленных вербовок иностранными разведывательными службами на «медовую ловушку». Да и вообще, как говорил тот же Дмитриев: «Ночная кукушка дневную перекукует».

Думать об этом Сергею Федоровичу было не очень приятно. Тянуло каким-то холодком, ноткой тонкой бесчеловечности... Хотя... Работай бы эта система во времена его молодости, возможно вся бы его жизнь сложилась иначе. Возможно, он даже был бы куда более счастлив, чем есть на самом деле.

После ухода Лоры он несколько раз сталкивался с попытками служб влезть в его личную жизнь... Как бы случайные встречи, как бы случайные взгляды женщин, типаж которых ему нравился... Но одна эта мысль, одно то, что он знал о подобной практике, буквально острой иглой колола где-то глубоко внутри, и он, отшучиваясь, избегал возможного сближения. Он даже представлял недовольное лицо Антонины Павловны, которая, как он теперь знал, курировала в целом эту работу в его Институте... А может и зря? А может и дурак?

Он просматривал всю доступную в криптосети для его уровня доступа информацию об объекте 347. Именно здесь можно было найти что-то подходящее для Коли и Маши. Прежде всего, потому, что здесь были наименьшие требования к профессионализму и вполне сносное обеспечение.

Объект 347. Бывший ракетный полигон Капустин Яр, 4-ый ГЦМП. Теперь там организовывалось поселение, где внедрялись в практику самые разнообразные технические и технологические решения, призванные обеспечить выживание нации в Новых климатических условиях. На практике отрабатывался необходимый для этого образ жизни.

Не так давно Сергей Федорович ездил на этот объект в командировку. И ему там понравилось, прежде всего потому, что он увидел какой-то образ будущего, пусть и не очень приятного. Он ясно осознавал, что всё то, что его окружает – эти города, дома, дороги – всё это обречено и не имеет никаких перспектив. Объект 347, несмотря на суровые условия и неудобства, имеет если и не будущее, то хотя бы его вероятность.

Профессор слегка повернулся на вращающемся стуле. Увидев, что не закрыт ящик стола, он достал из кармана ключ. И вдруг вспомнил про конвертик, который нашел вчера рядом принесенными Варей цветами... Охваченный любопытством, он быстро, но довольно аккуратно распаковал конверт... Очень мелким, бисерным почерком там было написано:

«Милый Сергей Федорович!

Простите меня, уже просто нет никаких сил... Понимаю, что буду выглядеть в ваших глазах, как дура. Но... Я сегодня начну писать Вам письмо... Долгое. Оно не будет иметь окончания, и, наверное, я буду писать его много дней и ночей, и, в конце концов, выброшу... Или лучше спрячу в укромном уголке лаборатории и буду перечитывать, украдкой и стыдясь. Хочу говорить обо всём и сразу, хочу плакать и смеяться и что бы эти все эмоции ты разделил

со мной... Я написала ты? Ах, простите... Нахалка, да? Нет, я не нахалка... Честно! Я влюбившаяся дура! Вчера Вы... или может ты... или всё-таки Вы... Боже, как же мне тяжело!

Вы вышли на улицу под этот непрекращающийся снег. Вы всё шли и шли, а я смотрела, прислонившись лбом к холодному стеклу окна. Сгорбившись, нахолодившись от пронизывающего ветра, вы не оборачивались. Вы спешили домой. А знаете ли Вы как мучительно больно смотреть в спину человеку, дорогому для тебя человеку и знать, что он не обернётся, что он даже и не подозревает о том, что живёт в тебе, о твоих чувствах.

Ну, конечно — же, Вы профессор, руководитель лаборатории... что я говорю, Сергей Федорович, простите... Вы самый добрый мой профессор и руководитель, но... так стало тоскливо...

Это жуткое чувство схватило меня за горло и не отпускало, пыталось задушить. Оно просто невыносимо. Я хочу Вас... мучительно хочу всякую минуту быть рядом и ненавижу, когда Вы уходите. А сердце ведь живое, оно продолжает отбивать ритм жизни, продолжает качать кровь по сосудам. Просто холодно... И мне нужны Вы, только Вы, такой добрый и далекий мой любимый человек... Вы, наверное, скажите мне, что я могу легко найти себе мужчину! А я не хочу, органически не хочу никого другого.... Может это какая-то патология? Не спорю... Я, наверное, сошла с ума...

А может эта любовь, простая и беспощадная бабская любовь, которая меня измучила, выедавая всю изнутри кусочек за кусочком. Не знаю вправе ли я судить о вашей жизни, но так хочется наполнить Вас теплом, что бы плечи, когда Вы направляетесь домой, были расправлены, а не сутулы. Заботится о Вас, и ощущать Вашу заботу, как велит то сама моя женская природа. Почему же вы, такой добрый, так жестоки!

Иногда я смотрю на Вас и думаю, что ждёт Вас дома? Вы будете, наверное, вне себя, но я знаю о Вас почти всё... Просто потому, что люблю... Давно люблю.. Целую вечность. Дочь уже давно взрослая, и в её мир входят другие люди, этого нельзя избежать. Квартира Ваша наверняка наполнена воспоминаниями, пожалуй, они и есть весь Ваш мир.

Я знаю, Ваша жизнь ограничивается только работой, за ней как за стеной Вы спрятались от всего: от разочарований, обманов, печалей, от всего и ото всех. И на работе с Вами я... Как это нахально звучит, но разве это не правда? Разве не я постоянно рядом? Почему Вы не замечаете... что я рядом!

Почему Вы решили, что мы не имеем права на счастье? Кто так жестоко с нами поступает, что лишает веры? Лишает мечты! Любимый мой профессор, как же так получается!

Наша жизнь складывается не всегда так как мы хотим, но разве не нужно верить в любовь, дружбу?

Даже наши опыты не будут иметь смысла. Нет в них никакого смысла, если... ведь Вы, дорогой мой профессор, верите больше всех нас, что эксперимент пройдёт удачно. И я верю! Но почему мы отказываемся от другого эксперимента... в котором я и Вы рядом! Не мотайте, пожалуйста, головой (точно знаю, что сейчас так и делаете), не обманывайте-же себя, для каждого из нас важно любить и быть любимым, природа нас такими сделала. А ты и я часть этой природы.

Я сознаюсь — я восхищена Вами, Вы — гений. Ваши знания безграничны. Таких людей нужно оберегать от всего и от всех. Вы просто себе представить не можете, как мне больно видеть вашу печаль, усталость... Если бы я только могла хоть как-то разделить все эти переживания, терзания. Но я — это всего лишь я.

Это письмо вообще величайшее событие в моей жизни! Я не знаю, решусь ли сказать хоть что-то. Мне очень страшно, но ещё для меня очень важно, что бы Вы знали, что любимы. Бесконечно любимы мной, вашей душой! Просто знайте это.

P.S. И всё-таки я решусь Вам его отдать... Решусь, даже пусть весь мир после этого рухнет. Пусть я сгорю от стыда и унижения... хотя, Вы, я уверена, просто сделаете вид, что ничего не произошло...»

Читая это письмо, Сергей Федорович почти взмок. Варя? Уже пять лет они работают бок о бок, и он даже не смел думать о ней, хотя и замечал её влюбленные взгляды. Варя-Варенька... Нет, она точно не подготовленный агент Антонины, уж это совершенно точно... Типаж и возраст совсем не подходили, да и пять лет не может длиться ни одна вербовочная операция. Значит... значит... она действительно в него влюбилась! Боже, маленькая, милая, умная и образованная дурочка...

Он погладил рукой цветы и смущенно улыбнулся.

А может она и права... Пусть она намного моложе, пусть это все блажь и впереди светит куча проблем, ну а всё же... Вдруг это тот подарок в его жизни, не приняв который он будет жалеть до самого конца?

Больше всего он боялся того, что вслед за пылкой влюбленностью последует жестокое разочарование. Ну а если так, то чем скорее она разочаруется в нем, избавится от иллюзий – тем лучше. Тем быстрее она забудет об этой глупой страсти и найдет себе мужчину, с которым будет счастлива. Если он сейчас откажет ей – она все равно будет мечтать о нём, накручивая себя. А она еще слишком молода, чтобы хоронить свою женственность. А может и вовсе это будет полезно для неё – он будет очень деликатен, очень нежен, очень внимателен к ней.

Посидев в задумчивости, он встал и прошелся к вегетариям. В голове стоял туман. Нет, не может он ждать, что-то мямлить; надо решать этот вопрос. 3 часа 23 минуты 45 секунд.

Сергей Федорович решил, что пойдет к Варе в общежитие часам к семи утра. Без предупреждения, строго. Посмотрит ей в глаза и постарается понять, что же это всё в конечном итоге значит. В конце концов – сюси-пуси и глупые обиды неуместны на столь ответственной работе. Если она хочет попробовать быть с ним – что ж, так тому и быть. Возможно, это даже пойдет на пользу – ничто нет опаснее влюбленной, и при этом отвергнутой женщины. И почему он должен ей в этом отказывать? Из пустого приличия? Из формальных правил?

Хотя в своем письме она и написала, что ей легко было найти себе мужчину – она несколько лукавила. Парни её побаивались. Она казалась одержимой работой, и как говорил Жванецкий, «умна угнетающе». Он тоже кое-что знал о ней. Когда у других девушек на курсе были парни, она была одна.. Еще когда она проходила практику в магистратуре, она безумно влюбилась в одного грубоватого, но не лишнего очарования сокурсника. Но он, пару ночей переспав с ней, её бросил, насмехаясь... Скорее всего, она по неопытности допустила в интимности кучу ошибок, как это нередко бывает с «хорошими» девочками.

От этой лично драмы она и сбежала к нему в лабораторию. Её научным руководителем была старая подруга Сергея Федоровича, и она рассказала многое о своей подопечной.

Сергей Федорович достал из шкафа небольшой коврик, положил на пол и проделал комплекс тибетских упражнений. Он всегда их делал, когда оставался один в лаборатории или дома. Сев в позу лотоса, он начал медленно дышать, настраивая своё сознание на максимальную эффективность.

Два раза в неделю, когда ему приходилось ездить на отчет к Жвани, он посещал там специальный спортивный зал. Так требовали. Невозможно быть эффективным, имея слабое тело. Но перед подчиненными показывать этого тоже было ни к чему.

Голова стала ясной, ум – гораздо тверже. Ушла излишняя эмоциональность, и он понял, что все условности, которые его связывали – лишь пустота. Варя измучилась без ласки, и, забив голову разными глупостями, выбрала его в качестве объекта своей природной потребности любить и быть любимой. Что же, пусть будет так... А если она агент? Ну что же, в этом тоже нет ничего страшного, по большому счету. В конце концов, стоит ли отвергать заботу со стороны родного правительства?

К половину седьмого утра он выдвинулся по направлению к общежитию для персонала. Он знал, что Варя живет в комнате 96 на шестом этаже, и, вручив консьержке свои документы, широким шагом двинулся к лифту. Настойчиво постучал в дверь.

Варя уже проснулась и принимала горячий душ. Она всегда просыпалась ровно в шесть утра, во сколько бы не вернулась домой накануне.

И теперь она была уверена, что постучала её соседка, которая нередко просила у нее одолжить те или иные вещи. Завернувшись в полотенце, с невысушенной головой, без всякого опасения открыла дверь.

На пороге её маленькой комнатки стоял Сергей Фёдорович. Она подалась назад и замерла, не зная, как и поступить. Это казалось сном. Варя испуганно заморгала, пытаясь хоть как-то собрать свои чувства и мысли воедино.

– Доброе утро, позволишь войти?, – Сергей Фёдорович мастерски сохранял спокойствие. Он увидел, как будто впервые, что перед ним в дверях стоит рыжеволосая красавица, на коже которой – капельки воды. Её мокрые волосы каскадом падали на обнажённые плечи, немного прикрывая лишь ключицы. Полотенце, накрученное наспех, плотно окутывало, выдавая все прелести фигуры. Он краем глаза заметил красивые стройные ноги, ранее всегда скрываемые под лабораторной одеждой, и они вызвали невольное восхищение. Ну, кто бы мог подумать, что сейчас Сергей Фёдорович видит ту самую робкую и застенчивую Варю, что казалась ему до этого какой-то нескладной девчонкой-переростком.

– Я войду, – понимая, что пауза затянулась, Сергей Фёдорович просто двинулся вперёд. Варя отошла в сторону, пропуская гостя. Находясь в состоянии немого оцепенения и растерянности, только хлопала ресницами.

– Надеюсь, не смутил тебя своим визитом?

Варя ещё чаще хлопала ресницами, шумно вдохнула. Казалось, ей явно не хватало воздуха. Как пойманная на горячем, она схватилась руками за полотенце и, понимая всю откровенность своего наряда, залилась краской.

– Я да,.. вы.. располагайтесь... минутку.

На подгибающихся ногах Варя пыталась покинуть комнату, споткнулась о стул, и тут же принялась невнятно извиняться: то ли за свой внешний вид, то ли за неловкость. Полотенце начало развязываться, смущая её еще больше. А дрожащие руки не только не могли справиться с попыткой поправить сползающее полотенце, но и наоборот – лишь усугубляли положение.

Сергей Фёдорович нежно улыбнулся, стараясь приободрить Варю. Она была столь беспомощна и забавна в этот момент, что вызвала ассоциацию со слепым котенком, который впервые оказался в двух шагах от матери.

Варина комната, рассчитанная на одного человека, поражала своим минимализмом. Небольшое окно было завешано, скорее всего, самодельной гардиной, пропуская, однако, достаточно света. Вместо кровати в комнате стояла софа, где не было ни подушек, ни игрушек, столь обычных в женских комнатах. Вмонтированная в стену строгая столовая доска из нержавеющей стали была опущена, а два стула стояли рядом. Стандартный угловой шкаф, пожалуй, был единственным большим предметом комнаты.

Внимание Сергея Фёдоровича привлекла маленькая искусственная зелёная веточка, что была приколот к гардине. Лишь она придавала комнате оттенок женственности. Варя выбежала в маленький коридорчик, где и переодевалась.

– Извините, я заставила Вас ждать, – в дверях показалась Варя. На ней был широкий свитер персикового цвета, и спортивные брюки. Под этой бесформенной одеждой невозможно было рассмотреть ту красавицу, что ещё пару минут назад предстала его взору. Только вот волосы были ещё не высушены и огромной шпилькой подняты вверх, обнажая шею и делая её ещё длиннее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.